павел
гребенюк

колымский лёд

Павел
Гребенюк

КОЛЫМСКИЙ ЛЁД

*Система управления
на Северо-Востоке России
1953–1964*

Москва
РОССПЭН
2007

УДК 338(053.3) (45 + 57) “15/19”
ББК 63.3(0)61-6
Г 79

Гребенюк П. С.

Г 79 Колымский лед. Система управления на Северо-Востоке России. 1953–1964 / П. С. Гребенюк — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 271 с., ил.

ISBN 978-5-8243-0911-9

Предлагаемая книга — первое в отечественной литературе исследование системы управления на Северо-Востоке России в период «оттепели». Используя новые архивные материалы, автор рассматривает сложнейший и противоречивый процесс перехода от властной монополии Дальстроя сначала — с образованием в 1953 г. Магаданской области — к «двоевластию», а затем — после реорганизации Дальстроя и смены высшего руководства области в 1958 г. — к управлению регионом партийными и советскими органами.

УДК 338(053.3) (45 + 57) “15/19”
ББК 63.3(0)61-6

© Гребенюк П. С., 2007
© Российская политическая энциклопедия, 2007

ISBN 978-5-8243-0911-9

Intro.

Введение

Северо-Восток России переживает нелегкое время. За последние 15 лет его население уменьшилось более чем наполовину. Население Магаданской области составляет всего 162 тысячи человек (данные на февраль 2007 г.) и продолжает уменьшаться. Здесь по-прежнему сохраняется положение, при котором все отрасли производства и сфера услуг находятся в зависимости от темпов и уровня развития основной отрасли территории — горнодобывающей, при этом количество добываемого золота значительно меньше, чем в советское время. Основные показатели здоровья населения, психологическое состояние общества определяются суровыми климатическими условиями, отсутствием развитой инфраструктуры, островным положением региона. Одной из важнейших задач сегодня является создание условий для привлечения рабочих кадров на северо-восточные территории страны.

Географическое положение Магаданской области придает территории стратегически важное геополитическое значение как форпоста России на Северо-Востоке. Территория имеет богатые природные ресурсы — золото, серебро, нефть, газ, бурый и каменный уголь, однако нехватка человеческих и материальных ресурсов не дает возможности преодолеть кризисные явления в жизни региона.

Проблемы Северо-Востока страны с конца 1990-х годов находятся в поле зрения государства. Уникальность территории в общей системе государственного управления проявилась в создании в 1999 г. на территории Магаданской области особой экономической зоны. Режим особой экономической зоны предусматривает действие таможенных и налоговых льгот для расположенных здесь предприятий. В 2006 г., после реорганизации государственного управления, действующий режим льгот был сохранен только для двух территорий Российской Федерации — Калининградской и Магаданской областей.

Современные проблемы региона своими корнями уходят в недалекое прошлое. В 1950-е годы, после образования Магаданской области, региональные управленцы столкнулись с проявлениями общего структурного кризиса. Островное по-

ложение региона, сложная транспортная схема, неразвитость обрабатывающих отраслей промышленности, преобладание заключенных в структуре трудовых ресурсов, высокая миграция населения — все эти факторы характеризовали специфику региона и во многом определяли ту систему управления краем, которая сложилась к началу 1950-х годов. Вместе с тем именно такая система управления позволяла справляться с большинством проблем и развивать край в нужном для правительства направлении. Колоссальный опыт, накопленный за годы советской власти, нуждается во взвешенном историческом анализе.

В предлагаемой монографии исследуется сложнейший и противоречивый процесс перехода от властной монополии Дальстроя к «двоевластию» (после образования в 1953 г. Магаданской области с обкомом партии и облисполкомом во главе), а затем — уже после реорганизации «Дальстроя» и смены высшего руководства области в 1958 г. — к полноценному управлению регионом со стороны региональных партийных и советских органов управления.

Регион, как известно, — это территория, обладающая совокупностью общих, взаимосвязанных характеристик. Регионализация в советский период, т. е. процесс регионального структурирования пространства, — та самая проблема, которой исследователи не уделяют должного внимания при оценке событий в масштабах всей страны. Социокультурная регионализация связана с характером расселения и непосредственными контактами между людьми данной местности, с фиксируемым бытовым и чувственным опытом населения и этнографическими особенностями. Формирование партнерских отношений между центром и регионами, помимо официально установленных, дополнялось обычно личными связями и контактами региональных руководителей с сотрудниками аппарата ЦК партии, Совмина СССР, Госплана и других центральных ведомств.

Изучение особенностей государственного управления на территории Магаданской области в советский период связано с деятельностью Дальстроя (организационно он существовал с 1931 по 1957 г.). Значение этого треста в развитии страны, специфика его основной рабочей силы нашли отражение в 1939 г. в телеграмме И. В. Сталина, адресованной руководству Дальстроя: это — «комбинат особого типа, работающий в специфических условиях, и эта специфика требует особых условий работы, особой дисциплины, особого режима»[1].

[1] Лифенцев И. В. Совершенствование структуры партийных и хозяйственных органов на Колыме и Чукотке (1938 — июль 1941) // Краеведческие записки. Магадан: Кн. изд-во, 1984. Вып. 13. С. 147–155.

Такая оценка, данная вождем партии, легла в основу концепции исследователя С. В. Славина. Создавая свои работы сразу после реорганизации Дальстроя в совнархоз, он обосновал теорию «очагового», или «оазисного», характера освоения районов Севера и вообще труднодоступных районов страны, выраженную в деятельности так называемых интегральных комбинатов[2].

Позднее исследователь А. Н. Пилясов для обозначения особого характера деятельности интегральных комбинатов ввел понятие «суперорганизация». В серии публикаций он объяснил закономерность возникновения и форму таких суперорганизаций: «Исторический опыт свидетельствует: освоение новых территорий нередко сопровождалось созданием особых организационных структур, призванных консолидировать усилия, резко увеличить темпы проникновения государства в новые районы. Потребность в таких структурах усиливалась при исчерпанности старых схем развития территорий, кризисе старых форм освоения. Суперорганизация — это созданная высшей исполнительной властью государства, под ее патронажем и непосредственным руководством монопольная структура для освоения обширных (новых) пространств в целях использования уникальных ресурсов в национальных интересах, решения геополитических задач. Неотъемлемые атрибуты суперорганизации — абсолютизм цели, жесткая внутренняя вертикальная иерархия, делегированные государством огромные властные полномочия, автономная система жизнеобеспечения (территориально-отраслевой каркас освоения), система производства и накопления региональной информации и планирования. Суперорганизации всегда предшествовал период разрозненных некоординированных усилий отдельных фирм по освоению ресурсов новых территорий. Суперорганизация везде рождалась в результате объединения многочисленных мелких хозяйственных структур, одновременно резко расширялись задачи освоения, властные полномочия и функции "головной" структуры. Стимулом к ее созданию выступали сверхценность ресурсов, подрыв первоначальных сырьевых запасов, рост издержек на их добычу, неспособность мелких предпринимателей продолжать освоение»[3].

В советский период одна из немногих крупных работ, посвященных освоению региона, принадлежит перу секретаря Магаданского обкома Н. А. Жихарева[4]. Важнейшей целью своего ис-

[2] Славин С. В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Изд-во экономической литературы, 1961.

[3] Пилясов А. Н. Трест «Дальстрой» как суперорганизация // Колыма. 1993. № 8. С. 34.

[4] Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917–1953 гг.). Магадан: Кн. изд-во, 1961.

следования автор определил освещение роли коммунистической партии, становление структур советской власти в крае, развитие его производительных сил и т. д. Ценность работы — в широком использовании материалов партийного архива, многие из которых и сегодня недоступны.

Современный период в историографии темы отличается введением в научный оборот ранее неиспользуемых источников, расширением круга рассматриваемых проблем, новизной постановки исследовательских задач. С конца 1980-х годов в региональной историографии начался бум публикаций, открывавших ранее неизвестные факты из истории Колымы. В них затрагивался широкий круг вопросов, связанных с особым режимом управления трестом «Дальстрой», с проблемами и спецификой развития геологоразведки и горной промышленности на Колыме, с использованием труда заключенных. В меньшей степени исследовались проблемы развития территории после образования Магаданской области.

В 1990-е годы появляются первые крупные исследования, основанные на новых архивных документах. Определенной вехой стала монография А. И. Широкова — первое комплексное исследование, посвященное истории начального периода деятельности Дальстроя[5].

Форсированный характер индустриализации в СССР и необходимость валютных средств на ее проведение обусловили, по мнению автора, исключительное положение Дальстроя в системе политических и экономических отношений внутри страны, широкомасштабное использование принудительного труда заключенных, чрезвычайный режим управления территорией. А. И. Широков проанализировал широкий спектр вопросов, связанных с формированием производственной инфраструктуры региона, и пришел к выводу о моноотраслевом характере промышленности региона в обозначенный период, слабом развитии обслуживающих отраслей и социальной инфраструктуры в Дальстрое.

Среди публикаций последних лет, затрагивающих историю края после 1953 г., следует отметить работу В. Г. Зеляка[6]. Он рассматривает вопросы истории горнодобывающей промышленности на Северо-Востоке СССР в 1930–1950-е годы. Ценность работы прежде всего в том, что автор впервые проанализировал деятельность Дальстроя за всю историю его существования, в значительной мере уделил внимание и административному аппарату управления, и особенностям социальной ситуации на территории края.

[5] Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан: Кордис, 2000.

[6] Зеляк В. Г. Пять металлов Дальстроя: История горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30–50-х гг. XX в. Магадан: Кордис, 2004.

Вопросы, связанные с образованием и развитием Магаданской области после 1953 г., рассматриваются в публикациях А. Г. Козлова[7], внесшего большой вклад в изучение советского периода истории Северо-Востока. Появляются работы, раскрывающие отдельные, ранее малоизученные вопросы. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период деятельности Дальстроя, история партийных органов на территории Магаданской области отражены в работах И. Д. Бацаева[8].

В региональной историографии последних лет прослеживаются попытки обобщить информацию по истории Дальстроя, промышленному освоению территории[9], расширить социально-психологический срез истории[10], приблизиться в исследованиях к хрущевскому периоду в истории региона[11].

[7] Козлов А. Г., Веркина Т. В. К вопросу об образовании Магаданской области // II Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 111–117; Козлов А. Г. У истоков образования области // III Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 28–45; Он же. Дальстрой как «комбинат особого типа» и его роль в освоении Северо-Востока России // II Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 5–29.

[8] Бацаев И. Д. Динамика кризиса основного производства Дальстроя (1946–1953) // Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. С. 234–241; Он же. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002; Он же. Партийная организация Дальстроя (30-е гг. XX в.) // Наука Северо-Востока России — начало века: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной памяти академика К. В. Симакова и в честь его 70-летия. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2005.

[9] См.: Широков А. И. Северо-Восток в системе общественных отношений СССР в 30–50-е гг. XX столетия (теоретический и практический аспекты) // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 1. Магадан: Кордис, 2006. С. 6–35; Зеляк В. Г. Особенности развития золотодобывающей промышленности на Северо-Востоке России в 30–50 гг. XX в. // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 1. Магадан: Кордис, 2006. С. 85–101.

[10] См.: Гребенюк П. С. Проблемы ментальности советской партийной элиты в отечественной истории // Проблемы отечественной истории. Вып. 9. М.: РАГС, 2005. С. 251–272.

[11] См.: Райзман С. М. Развитие промышленно-производственного комплекса Совета народного хозяйства Магаданского экономического административного района в 1957–1962 гг. // Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее. Т. I. Магадан: Кордис, 2004. С. 50–54.

В поисках новых форм исследования системы государственного управления современные исследователи для объяснения деятельности управленцев, принимающих государственные решения, все чаще прибегают к понятию «элита». Сегодня можно говорить о сложившейся за последние десятилетия отечественной школе элитологии, представленной в трудах Г. К. Ашина, О. В. Гаман-Голутвиной, О. В. Крыштановской, В. П. Мохова, А. В. Понеделкова[12]. Большая часть элитологических исследований посвящена именно политическим элитам. Существуют десятки концепций относительно понятия «элита», анализ которых возможен лишь в специальных работах. Причем такого рода анализ сопряжен со значительными методологическими трудностями, так как различными авторами понятие элиты трактуется по-своему, а одни и те же термины используются порой для обозначения различных понятий.

Из трудов, посвященных особенностям реализации государственного управления в регионах, региональной элите в период 1953–1964 гг., следует выделить работы В. П. Мохова[13], раскрывающие в целом процесс эволюции региональной партийной элиты в период с 1945 до 1991 г. В последнее время появляются новые работы по данной проблеме, в которых рассматриваются элиты и номенклатура на уровне регионов, городов и районов[14].

---

[12] Ашин К. Г. О понятии элита и не только // Власть. 2005. № 11. С. 40–54; Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М., 2006; Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 75–76; Мохов В. П. Элитизм и история: проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2002; Понеделков А. В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов-на-Дону, 1995.

[13] Мохов В. П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.). Пермь, 1998; Он же. Советская региональная номенклатура: структура и состав в 1950–1980-е гг. // Россия: идеи и люди. Сб. Вып. 3. М., 1998; Он же. Элитизм и история: проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000; Он же. Региональная политическая элита России (1945–1991). Пермь, 2003.

[14] Буянов Е. В. Политическая элита Дальнего Востока России (1980–1990-е годы). Благовещенск, 2002; Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели». (1945–1964). Кемерово, 2005; Он же. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006; Шуранова Е. Н. Политическая элита Сибири в первой половине 20-х годов: некоторые черты психологического портрета // Уральские Бирюковские чтения. Сб. научных статей. Вып. 3. Из истории российской интеллигенции. Челябинск, 2005. С. 147–153; Тимофеева Л. А. Райком в системе городского управления в 20-е гг. // НЭП: экономические, политические и социальные аспекты. М., 2006. С. 348–367; и др.

Востребованность темы обществом вызвала появление серии исследований, подкрепленных солидной источниковой базой. Однако особенности государственного управления на Северо-Востоке в 1953–1964 гг. еще не стали предметом пристального внимания исторической науки. Более изученным в этом направлении является предыдущий период развития края, связанный с деятельностью государственного треста «Дальстрой». В данной работе предпринята попытка воссоздать целостную картину эволюции государственного управления на Северо-Востоке страны. В широком понимании «Колымский лёд» — книга об «оттепели» в Магаданской области.

Если говорить об историографии темы, то хотелось бы обратить внимание на произведение О. М. Куваева «Территория», содержащее двухстраничные «Примечания к маршруту», где автор вводит такие понятия, как «Территория», «Город», «Поселок». В доступном стиле несколько метких фраз вычерчивают у читателей образ. Это не просто понятия — это целые категории, за которыми скрываются архетипы и образы. Вещи, предметы, книги, музыка — кажется, на Колыме все такое же, как и на материке. Между тем люди здесь отличаются. Но чем? Вы не поймете. Когда в 1950–1960-х годах сюда приезжало огромное количество людей, по О. М. Куваеву, каждый из них мог без всякой причины подумать, что до сих пор он жил не так как надо: «Можно суеверно считать, что подобные мысли рождены пространствами, составляющими Территорию»[15]. Этот вывод имеет большое значение для историков. Мысли людей рождаются пространствами, составляющими, заполняющими собой воздух Территории.

Категория «Территория» включает в себя специфику края, мысли людей, и эти мысли сами собой являют сущность Территории. Колыма — Остров, все остальное — Материк. Колыма — маленький Советский Союз. Здесь всегда было большое количество коммунистов. В идеале Колыма должна была стать бастионом большевиков, проводником передовых идей в построении коммунизма, испытательным полигоном. Несмотря на все перипетии своей истории, она этот романтический заряд пронесла через себя. Здесь, как нигде в СССР, совершенно многонациональный состав населения, дифференциальный в социальном плане: люди разного калибра и мастей ехали за тридевять земель, руководствуясь каждый своими причинами, разительно отличающимися от идеологии официальных рекламных стендов Дальстроя, висевших во всех концах Советского Союза.

Здесь свой Город — столица, свои провинции с центрами — Поселками. Свое «Золотое кольцо» — Поселки Колымы. Здесь любят проводить аналогии и давать материковские

---

[15] Куваев О. М. Территория. М.: Профиздат, 1978. С. 4.

имена объектам, случаям, материальным композициям. Колыма — Планета. Здесь свои «стороны света» — Север, Юг, Запад, Восток. Этот термин показывает не просто географическую отдаленность Колымы, но и концептуализирует ее как место, кардинально отличающееся от остального мира.

«Территория» — этот образ в мировой культуре имеет разное художественное воплощение. В широком смысле слова речь идет о взаимодействии различных цивилизаций, в более узком, как в нашем случае, — это вопрос изоляции и незнания истории народов, живущих рядом. Лагерный опыт признается отрицательным опытом (вспомните В. Шаламова), лагерный опыт человеку не нужен, но человек, попадая в такие условия, не может не производить жизнь.

Исследование локального, изолированного организма Территории — явление, выходящее за рамки региональной историографии, имеющее общемировое значение. Человек стремится к расширению горизонта за пределы Колымы, и это явление не имеет отношения ни к Дальстрою, ни к ГУЛАГу, ни к товарищу Сталину. Изоляция части общества внутри страны, общества, которое сохраняет формальные институты, ритуалы, — особый феномен. Люди как будто живут, но живут в «исторических декорациях», которые помогают им создавать условия существования. Местные управленцы — своеобразные «жрецы» системы, они понимают, что обслуживают «культ», они передают традиции, дух и т. д. Суть конфликта между элитой Дальстроя и новыми управленцами области лежала не в области привилегий, а в области идеологии. Дальстроевцы представляли только местную, удельную власть.

С другой стороны, неизбежно возникает вопрос о том, где именно кончалась уникальность, специфика «Дальстроя» и его наследников в указанный период и начинались общие черты, свойственные «сталинской» модели управления регионами. Исследуемый объект, «Территория», и процесс ее развития — порождение советской системы, которая сама была уникальна, но на Колыме проявилась в еще более специфичном «отпочковании». Я твердо убежден: все другие существовавшие в СССР «чрезвычайные» структуры руководства большими объектами управления или территориями не идут ни в какое сравнение с Дальстроем. Нигде не соединялись воедино такие особенности климата и географического положения территории, руководящих и рабочих кадров, объекта управления и контроля за исполнением государственных решений, социальной среды и т. д. Дальстрой в самом широком понимании — уникальный, не имеющий аналогов в отечественной и мировой истории локальный организм, обладающий набором неповторимых черт и характеристик, которые в итоге и определили на долгие годы специфику сложившейся здесь системы государственного управления и особенности деятельности управленцев данного региона.

Сложность задач заключается в числе прочего и в том, что в данном исследовании поднимается во взаимной увязке множество разноплановых проблем, среди которых ключевыми стали две: история становления и развития системы управления Северо-Восточным регионом в 1953–1964 гг. и деятельность управленческих кадров данного региона. В данной работе я хотел не просто раскрыть статику проблемы, но и максимально разноплановo показать руководящие кадры в действии. Привести лишь данные о количественном и качественном составе управленцев представлялось недостаточным. Тема изучения кадрового состава региональных управленцев, психология управленческих типов в дальнейшем могут стать предметом специального научного исследования.

В данной работе я особо хотел отразить сдвиги в системе государственного управления, управленческие проблемы, лежащие в области развития социальной сферы, связанные с понятием «Территория», которые нашли отражение и в знаменитой фразе из фильма «Бриллиантовая рука»: «Уж лучше вы к нам». Многие проблемы лежат в плоскости взаимоотношений власти и общества на региональном уровне. Эти моменты имеют проявления в социальной повседневности колымчан и сегодня.

Первое, что видели те, кто приезжал на Колыму, — это туманные очертания старых построек побережья нагаевской бухты. Так начиналось знакомство с Магаданом. И сегодня в бухте сохранились старые постройки, в том числе один из первых домов Магадана, где располагалась администрация Нагаевской культбазы. Центр Магадана испытал на себе особое влияние ленинградской школы. По большинству зданий центральных улиц выполнены башенные надстройки, сложные карнизы и эркеры с многочисленными лепными украшениями. В хрущевские времена все это будут относить к излишествам: к примеру, известное в Магадане здание политехникума с башней объемом свыше 300 куб. м, с многочисленными сложными лепными украшениями внутри, фасадом здания, с трех сторон оформленного полуколоннами на высоту двух этажей. В 1950-е годы возмущались, что башня отведена под читальню, будто бы для нее в здании нельзя было отыскать другого места[16].

Указанные моменты определили комплексный характер исследования. Нынешнее состояние историографии поднятого вопроса создает благоприятную возможность опираться прежде всего на неизвестные ранее архивные источники. При подготовке рукописи использованы материалы из самых разнообразных архивов: ГАМО, ОАОУЦ (г. Магадан), РГАНИ, РГАСПИ, РГАЭ, ЦХСДМО. Основную часть архивных матери-

[16] Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 147. Л. 39–40.

алов, вводимых в научный оборот, составляют документы ГАМО, РГАНИ, ЦХСДМО. Кроме архивных, в работе были использованы имеющиеся опубликованные источники, а также интервью с участниками событий 1950–1960-х годов в Магаданской области, среди которых секретарь обкома И. Н. Каштанов, первый секретарь обкома в 1986–1989 гг. А. Д. Богданов, В. Е. Гоголева, М. М. Этлис, Ю. П. Жаров и другие.

Применялась разная методика: свободная беседа и заготовленные вопросы по отдельным аспектам функционирования органов власти и управления. Интервью являются одним из основных методов изучения деятельности региональных управленцев: помимо изучения официальных биографий, анализа прессы и статистики, они предоставляют возможность зафиксировать основные характеристики системы государственного управления. Особенностью интервью является то, что информация фиксируется через много лет после произошедших событий и участники событий уже переоценивают те или иные явления и факты.

Подготовка рукописи — дело непростое. В работе над ней мне оказали помощь многие люди. Прежде всего самые теплые слова благодарности приношу моему учителю Василию Петровичу Попову, признанному профессионалу в исторической науке, благодаря его школе и советам эта работа состоялась. Выражаю благодарность отечественным историкам А. В. Жмакиной, С. В. Журавлеву, М. Р. Зезиной, В. Г. Зеляку, С. В. Леонову, А. У. Магомедову, И. В. Макарову, Н. В. Наумову, Р. Г. Пихоя, А. В. Смирновой, А. К. Соколову, А. Д. Черневу, А. И. Широкову, А. В. Эйчису. Общение с ними позволило мне серьезно скорректировать общее понимание проблем, рассматриваемых в исследовании. Искренне благодарю также О. Э. Грищук, А. Д. Богданова, Т. В. Веркину, И. Н. Каштанова, П. Б. Ливанова, Т. Е. Миненкову, В. Е. Гоголеву, М. М. Этлиса, Ю. П. Жарова и всех кто поделился своими мыслями о тех проблемах, которые затрагиваются в работе.

На страницах этой книги хотелось бы сказать о человеке, который внес большой вклад в развитие исторической науки Магаданской области. Это Александр Григорьевич Козлов — непревзойденный знаток истории Колымы. Общение с ним всегда было интересным; беседы с ним, его чрезвычайно содержательные консультации помогали установить различные детали истории Северо-Востока страны.

Мне приятно поблагодарить коллективы Государственного архива Магаданской области, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива социально-политической истории, Центра хранения современной документации Магаданской области, а также сотрудников всех магаданских и московских архивов и библиотек, в которых мне приходилось заниматься сбором материала для этой книги.

I.

Глава I

ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ (1931–1953)

Наследие Дальстроя

Особенности формирования системы управления на Северо-Востоке России в 1930–1950-е годы связаны с историей деятельности государственного треста «Дальстрой». Изучать процессы, которые имели место на территории Магаданской области в 1953–1964 гг., невозможно без понимания сути дальстроевской системы. Основное внимание уделяется специфике территории, рассмотрению сложившейся на Северо-Востоке системы управления и характеристики дальстроевских управленцев.

Магаданская область создавалась в 1953 г. на территории, где разворачивалась деятельность Главного управления строительства Дальнего Севера — Дальстроя, который уже существовал более двух десятилетий. Административным центром Дальстроя был город Магадан. Он же стал и местом расположения обкома и облисполкома. Приехавшей группе руководителей предстояло окунуться в особый мир Дальстроя с его собственными традициями, давно пустившими глубокие корни в северную почву. Здешняя земля оказалась для многих чужой в силу своих специфических особенностей.

Большая часть созданной позже Магаданской области до революции и в первые годы советской власти входила в состав Камчатской губернии, а территория Колымского края — в состав Якутской АССР. После геологических экспедиций С. В. Обручева (1926, 1929–1930 гг.), Ю. А. Билибина (1928–1929 гг.), В. А. Цареградского (1930–1932 гг.) были получены данные о наличии значительных запасов золота на Северо-Востоке СССР. Для создания здесь индустриальной базы со-

ветской экономики руководство страны использовало широкий импорт промышленного оборудования, за которое расплачивалось путем продажи на мировом рынке своих сырьевых ресурсов. Особое значение в эти годы приобрело прямое пополнение валютных запасов страны, и добыча золота стала важнейшим источником государственных доходов.

В начале 1930-х годов принимается решение об интенсификации золотодобычи в Верхнеколымском районе. Трест «Дальстрой» как комплексная геолого-исследовательская и производственно-хозяйственная организация был создан в соответствии с решением Центрального Комитета ВКП(б) от 11 ноября 1931 г. и постановлением Совета Труда и Обороны СССР от 13 ноября того же года.

Постановление ЦК ВКП(б), подписанное секретарем Центрального Комитета И. Сталиным, предписывало: «Всемерно форсируя разведку по Колымским приискам, использовать все возможности, способы и средства для немедленной и максимальной добычи золота в нынешнем и последующих годах, одновременно подготовляя базу для развертывания капитальных работ по нормальной эксплуатации районов»[1]. В нем отмечалась необходимость всемерно форсировать работы по постройке дороги от бухты Нагаева до приисков, одновременно проводя изыскания и предварительные работы по трассе Якутск–Колыма. Этот документ хорошо показывает масштаб задач, который предстояло решать колымскому тресту.

В последовавшем спустя два дня после решения ЦК партии постановлении Совета Труда и Обороны СССР № 516 «Об организации государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы "Дальстрой"»[2] на вновь создаваемую организацию возлагались разработка недр с добычей и отработкой всех полезных ископаемых указанной территории, а также колонизация района разработок и организация всевозможных предприятий и работ в интересах успешного выполнения главной задачи.

Дальстрой организовывался в непосредственном ведении СТО СССР (председателем СТО в тот период был В. Молотов). Во главе треста стоял директор, назначаемый СТО. Дальстрой получал в свое ведение все находившиеся на территории района предприятия, прежде всего прииски Главного приискового управления акционерного общества «Союззолото», и колоссальный уставной капитал — 20 миллионов рублей на организационный период. Согласно постановлению, снабжение треста всем необходимым для осуществления возложенных на него задач производилось по заявкам треста соответствующим учреждениям и организациям СССР вне всякой очереди. Трест имел право сноситься непосредственно со всеми местными учреждениями и организациями, причем возбуждаемые трестом вопросы подлежали рассмотрению в этих учреждениях и организациях в первую очередь. Никакие учреждения и лица без особого постановления СТО не имели права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность треста.

Постановлением СТО трест освобождался от всяких налогов и сборов. А с 1932 г. и товары, продававшиеся государственному тресту «Дальстрой», были освобождены от налога с оборота и бюджетных наценок. Дальстрой получал в свое распоряжение и все средства от продажи на своей территории товаров по сверхнормативным и коммерческим ценам — вина, папирос, парфюмерии, шелковых тканей[3]. Постановление СТО СССР 1932 г. приравняло к воинским все грузы Дальстроя при перевозке их любыми видами транспорта. Спустя еще год на Дальстрой были возложены обязанности по взиманию на своей территории государственных и местных налогов, а также всех других доходных поступлений в государственный и местный бюджеты, предусмотренные законодательством для районов Крайнего Севера. Полученные таким образом средства трест имел право оставлять в своем распоряжении. Кроме того Дальстрою был передан весь чистый доход от реализации госзаймов и предоставлено право использования в порядке ссуды всех свободных средств гострудсберкасс в районе его деятельности. В 1937 г. заместитель председателя СНК СССР В. Я. Чубарь сообщал в НКВД СССР, что Дальстрой может из 5 % отчислений от стоимости добываемого золота и других драгоценных металлов 4 % вносить в бюджет Колымы и 1 % — в бюджет Дальневосточного края[4]. Из приведенных фактов

[1] Постановление ЦК ВКП (б) о Колыме от 11.09.1931 г. // Бацаев И. Д., Козлов А. Г. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ–НКВД СССР в цифрах и документах: в 2-х ч. Ч. 1 (1931–1941). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 19.

[2] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 2а. Л. 1–1 об.

[3] Там же. Л. 16,

[4] Козлов А. Г. Дальстрой как «комбинат особого типа» и его роль в освоении Северо-Востока России // II Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 19.

видно, что Дальстрой обладал рядом льгот, они открывали широкие возможности перед руководством Дальстроя, в том числе по распределению финансовых ресурсов.

Система управления Дальстроя формировалась на огромной территории. При этом сфера его деятельности с самого основания постоянно расширялась. В 1932–1935 гг. сфера деятельности Дальстроя охватывала побережье Охотского моря от устья реки Тауй до села Гижига, верховья реки Тауй и районы между границами Корякского, Чукотского национальных округов и Якутской АССР[5]. Эта территория включала все верхнее и среднее течение р. Колымы с ее правыми и левыми притоками и имела общую площадь около 400–450 тысяч квадратных километров. К 1937 г. площадь, подлежавшая освоению Дальстроем, увеличилась до 700 тысяч квадратных километров. В конце 1930-х годов территория Дальстроя вновь расширилась — теперь за счет подчинения ему с 1 января 1939 г. Чаунского и Чукотского районов Чукотского национального округа, а в 1940 г. и бассейна реки Анадырь. К 1941 г. территория влияния Дальстроя возросла до 2 266 000 квадратных километров, что составило 10 % всей площади СССР по состоянию на 1940 год.

К 1953 г. территория Дальстроя достигала уже 2,8 млн кв. километров, охватывая всю Магаданскую область (1,2 млн кв. км), восточную половину Якутской АССР (1,2 млн кв. км), почти всю территорию Корякского национального округа Камчатской области (200 тыс. кв. км) и значительную часть Нижне-Амурской области Хабаровского края (200 тыс. кв. км)[6].

За период с 1932 г. по 1954 г. Дальстроем было добыто и сдано государству химически чистого золота 1104 тонны, олова — 59 340 тонн, вольфрама — 2607 тонн, кобальта — 398 тонн[7]. Кроме того для внутренних нужд Дальстроя добыто свыше 10 млн тонн каменного и бурого угля. Дальстрой владел собственным морским флотом, в который в начале 1950-х годов входили пароходы «Ф. Дзержинский» грузоподъемностью 6000 т, «Джурма» грузоподъемностью 8900 т, теплоход «Советская Латвия» грузоподъемностью 7100 т, танкер «Дальстрой» грузоподъемностью 450 т, 12 буксирных катеров и 16 морских барж. Было построено 4500 километров всех видов дорог. Самой длинной стала Колымская трасса (дорога 5-го

[5] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 21. Д. 2а. Л. 147–146. Постановление СТО «О Колыме» № 1358/398с от 28 октября 1932 г.

[6] Там же. Д. 5195. Л. 2.

[7] Там же. Л. 4.

технического класса с земляным полотном, шириной 7,5 м и гравийным покрытием) — более тысячи километров[8].

Списочный состав грузовых и легковых автомашин Дальстроя включал более 10 000 единиц всех марок. На территории Дальстроя действовали три узкоколейные железные дороги общей протяженностью более 200 км. Авиационный парк Дальстроя состоял из 51 самолета, а сама авиалиния имела более 30 аэропортов и посадочных площадок. В 1952 г. самолеты Дальстроя произвели 19 747 вылетов, перевезли 24 343 пассажира и 3888 т грузов.

С 1932 г. по 1953 г. Дальстрой проделал огромный объем работ. За этот период только геологоразведка охватила более 1,7 млн км^2, т. е. около 70 % всей территории Дальстроя. Из общего количества государственной добычи золота в стране за 1932–1955 гг. Дальстроем добыто 58 % (на Главзолото пришлось 42 %). В 1950 г. доля Дальстроя в общей золотодобыче СССР составила 50,1 %[9]. Эти результаты были достигнуты за счет использования труда заключенных и создания особой системы управления.

Важным фактором развития Дальстроя на протяжении всей его истории была специфика социального состава населения и то, что в основе его деятельности лежало широкомасштабное использование труда заключенных. В рамках реализации данной политики для обеспечения Дальстроя рабочей силой с 1932 г. на территории края действовал Северо-Восточный лагерь. С начала образования треста рабочая сила Дальстроя с каждым годом увеличивалась (см. табл. 1).

Таблица 1. *Количество рабочей силы Дальстроя на Колыме (чел.)*[10]

Год	1932	1933	1934	1935	1936
Всего в том числе:	13 053	30 782	35 995	50 306	73 150
вольнонаемные	3125	3392	3691	5700	10 447
заключенные	9928	27 390	32 304	44 601	62 703
Прибыло на Колыму	1387	23 703	15 673	23 268	41 311
Убыло на материк	872	5974	9012	9050	18 523
Механический прирост	+515	+17 729	+6661	+14 218	+22 788

[8] Там же.

[9] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 120. Л. 2.

[10] Составлено по: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 6. Л. 55.

Как показывают данные таблицы, число заключенных на протяжении 1930-х годов постоянно росло. Важной особенностью формирования социальной сферы Дальстроя стало увеличение числа вольнонаемных за счет бывших лагерников. Так, к концу 1936 г. бывшие лагерники составляли 43,3 % вольнонаемных работников Дальстроя.

Кадры — основная проблема для всех руководителей Колымы. Дальстрой ежегодно «недобирал» людей. Состав работающих с 1940-х годов имел устойчивые характеристики (см. табл. 2).

Таблица 2. *Состав работающих в Дальстрое в 1949–1953 гг. (чел.)*[11]

Год	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Всего работающих в том числе:	211 100	252 445	333 895	349 004	336 959
заключенные	93 115	129 411	185 758	199 726	175 434
вольнонаемные в том числе:	117 985	123 034	148 137	149 278	161 525
прибывшие по договорам и направлениям	36 366	38 525	48 693	47 828	39 652
члены семей договорников	5362	6690	8572	13 229	11 956
местные коренные жители	875	1578	1628	1868	3619
бывшие заключенные	45 516	41 199	44 163	41 370	40 607
спецпоселенцы и ссыльные	29 866	28 786	27 963	27 672	13 575
освобожденные досрочно и оставленные на работу	н/д	н/д	8912	7060	6529
спецконтингент, прибывший со спецстроек в 1949–1950 гг.	н/д	5265	8196	10 251	6885

[11] Составлено по отчетам отдела кадров Главного управления Дальстроя за 1948–1953 гг. — ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3064; Д. 3519; Д. 4001; Д. 4585; Д. 5142; Д. 5548.

Окончание таблицы 2

Год	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
мужчины	105 247	106 486	129 858	126 434	136 532
женщины	12 738	16 548	18 279	22 844	24 993
члены и кандидаты ВКП (б)	11 255	12 299	14 046	16 718	17 309
члены ВЛКСМ	4818	5803	7869	12 226	15 095

Согласно данным таблицы, прибывшие по договорам и направлениям работники составляли костяк административных кадров на всех уровнях управления. Женщин было немного. Общее количество работающих в системе Дальстроя с каждым годом росло, и рост этот происходил за счет постоянного увеличения числа заключенных. По данным А. Г. Козлова[12], с 1932 по 1956 г. в лагеря, существовавшие на территории Дальстроя, поступили 876 043 заключенных, из которых затем убыли по окончании срока 546 972 чел., умерли 127 792 чел., бежали 7877 чел., остальные были переведены в другие лагеря страны. Таким образом, особая социальная среда Дальстроя — преобладание заключенных, небольшой удельный вес женщин — определяла и методы управления, выражавшиеся в штурмовщине, идеологических скачках и развитии способов поощрения заключенных[13].

К концу 1940 — началу 1950-х годов положение мало изменилось: заключенные и бывшие заключенные по-прежнему составляли основу трудовых ресурсов Дальстроя. Эта особенность и обусловила формирование особой системы управления, сконцентрированной на решение поставленных перед руководством Дальстроя задач. Эта система действовала и на момент приезда руководителей вновь созданной области. Многие, даже крупные промышленные объекты в СССР были не так масштабны и не имели таких широких прав, специфичной социальной среды.

Дальстрой имел в 1930–1940-е годы сложную, разветвленную структуру: Главное управление с многочисленными отделами, более десятка различных управлений на Колыме, Чукотке, в Якутии и Хабаровском крае. На территории СССР

[12] См.: Козлов А. Г. Дальстрой как «комбинат особого типа...» С. 28.

[13] Подробнее об этом см.: Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан: Кордис, 2000.

у Дальстроя были собственные управления — Московское (с отделениями), Ленинградское, Мурманское, Новосибирское, отделения — Владивостокское, Иркутское, Якутское, Одесское, а также уполномоченные во многих областях СССР, в том числе в Ленинградской, Свердловской, Архангельской[14].

Московское представительство и филиалы осуществляли деятельность на огромной территории СССР. Закупки, заготовки, проектирование, судостроение, гражданское строительство, приобретение инвентаря, железнодорожные перевозки, морские перевозки, погрузочно-разгрузочные работы, общеуправленческие и снабженческие операции — всем этим занимались из Магадана на всей территории СССР и за его пределами. Все партийные организации, где бы они не находились — в Ванино, Находке, Комсомольске-на-Амуре, Хабаровске, подчинялись политуправлению на Колыме.

Сложившаяся сразу управленческая система действовала без кардинальных изменений на протяжении всего развития Дальстроя, вплоть до образования в 1953 г. на его территории Магаданской области. Главной особенностью дальстроевской системы было сосредоточение в Главном управлении Дальстроя помимо основных функций, связанных с добычей металлов, также и функций по управлению лагерным сектором — через Управление «Севвостлаг»; партийными органами, горкомом и райкомами ВКП(б), через политчасть, а позже Политическое управление Дальстроя; советскими органами Среднеканского, Ольского, Северо-Эвенского районов — через Административно-гражданский отдел Дальстроя.

Советское руководство хорошо понимало, что без чрезвычайных полномочий выполнить программу, которую оно требовало от «Дальстроя», а именно: добыть в 1932 г. 10 тонн золота, а в 1933 г. уже 25 тонн, — серьезная и трудная задача. Потому чрезвычайная централизация — чрезвычайная даже в условиях сверхцентрализованной советской системы — являлась необходимым условием существования Дальстроя. В 1932 г. был организован Северовосточный лагерь, который в административном и хозяйственном отношениях был

[14] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 418. Приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00363 9 июня 1938 г. «Об утверждении структуры Главного управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР "Дальстрой"».

подчинен директору Дальстроя[15]. Что касается организации партийно-политического руководства, то помощник директора Дальстроя по политчасти также назначался директором треста и находился в подчиненном положении. Главные функции, осуществление непосредственного руководства и практическое проведение всей партийно-политической работы на территории Дальстроя в 1934 г. постановлением НКВД было возложено на директора треста[16]. Эта практика сохранялась и в дальнейшем.

Дальстрой отличался от других золотодобывающих организаций страны: он не входил в систему Главного управления золотоплатиновой промышленности, а подчинялся напрямую высшему руководству СССР, имел существенные льготы и чрезвычайные полномочия на территории своей деятельности. Партия и Правительство выделяли территорию, на которую распространялась деятельность Дальстроя. Эта территория определялась не границами административно-территориального деления страны, а характером поставленных перед комбинатом задач — добычей драгметалла. Со временем структура Дальстроя развивалась и расширялась.

Дальстрой включал в себя все отрасли хозяйства и все виды производства, необходимые для решения основных задач и общего подъема производительных сил данной территории. Все предприятия, входившие в комбинат, подчинялись единому руководству — Главному управлению, объединявшему все материально-технические и финансовые средства, а также людские силы. В связи с этим становится понятной высокая роль директора (позже начальника) Дальстроя, стоявшего наверху всей управленческой пирамиды дальстроевской системы.

Э. П. Берзин. Первым директором Дальстроя был Эдуард Петрович Берзин (1893–1938). Берзин с пятилетнего возраста жил на окраине Риги. В 1910 г. уехал в Германию, где окончил Берлинское королевское художественное училище. Вернулся в Латвию, откуда был призван на военную службу. Участвовал в боях на фронтах Первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом 4-й степени и серебряной нагрудной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие». После Октябрьской революции участвовал в формировании 1-го легкого артиллерийского дивизиона Латыш-

[15] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 2а. Л. 8. Приказ ОГПУ № 287/с от 1 апреля 1932 г.

[16] Там же. Л. 79. Постановление НКВД СССР от 28 июня 1934 г.

ской стрелковой советской дивизии, а затем был назначен его командиром. Летом 1918 г. сыграл решающую роль в подавлении левоэсеровского мятежа в Москве и разоблачении заговора Локкарта. В ноябре 1918 г. вступает в партию. После Гражданской войны служил в штабе Армии, был сотрудником ИККИ и спецотдела ВЧК–ОГПУ. В 1927 г. Э. П. Берзин внес предложение в ВСНХ СССР о строительстве Вишерского целлюлозно-бумажного комбината на Урале, руководство которым было ему поручено. В 1929 г. выезжал в Германию и в США для закупки оборудования. Вишерский комбинат был построен за 18 месяцев — в суровых климатических условиях, буквально на пустом месте. Это был промышленный гигант, который стал выпускать пятьдесят процентов всей бумаги высшего сорта, производившейся в Союзе. 14 ноября 1931 г. Э. П. Берзин был назначен директором Дальстроя. Руководство трестом он совмещал с должностями уполномоченного коллегии ОГПУ (НКВД) СССР, Далькрайкома ВКП(б), Далькрайисполкома и начальника Нагаево-Магаданского гарнизона Охотско-Колымского района, короче, входил во все местные органы управления.

Опорным пунктом Дальстроя стала бухта Нагаева: сюда 4 февраля 1932 г. прибыло руководство Дальстроя во главе с Э. П. Берзиным. Постепенно здесь возникал новый поселок — Магадан. Выступая 7 марта 1935 г. на втором пленуме правления Союза советских писателей, Максим Горький призвал советских литераторов более глубоко и всесторонне писать о том, что делается на Колыме, как строится Магадан. По данным всесоюзной переписи населения 1939 г., здесь проживало тогда более 27 тыс. человек. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 июля 1939 г. Магадан был преобразован в город.

Во многом заслуга Э. П. Берзина в том, что он пытался сделать Дальстрой мощным современным производством: здесь широко использовали импортную технику — бульдозеры с тракторами «Катерпиллер», погрузочные машины «Эймко», эскаваторы, бурозаправочные станки, буровые станки, передвижные компрессоры, трубы, драги, дизель-генераторные электростанции. Специалисты Дальстроя направлялись в зарубежные поездки за опытом. Сам Берзин не раз посещал строительство Беломорско-Балтийского канала. Управленцы треста обменивались опытом, знали, какие методы, нововведения используются в горнодобывающей отрасли.

Численность руководящих кадров постоянно росла. В 1935 г. в Дирекции Дальстроя работали 118 чел., в 1936 г. — 181, в 1937-м — 216 чел.[17] Особенностью дальстроевских кадров первоначально являлось то, что многие руководители были беспартийными: например, Эрнест Оттович Лапин, прибывший в 1932 г. на должность начальника Управления морского транспорта, или Ян Янович Пуллериц, в декабре 1931 г. занявший должность начальника Санитарного управления, или Лев Маркович Эпштейн, в феврале 1932 г. возглавивший плановый финансовый сектор Дальстроя[18]. Характерным было и то, что управленцы Дальстроя представляли различные национальности. Преобладали выходцы из Прибалтики (сыграли свою роль широкие личные связи Э. П. Берзина с земляками), русские, евреи, а также украинцы и грузины. Главный руководитель, Э. П. Берзин, обладал революционным мышлением, и его соратники, которых он приглашал на Колыму, были людьми своего времени. Окружение он подбирал компетентное, все имели хорошие организаторские способности. Вместе с директором нового треста на Колыму прибыли те, кто вместе с ним руководил Вишерским строительством. Среди них Р. И. Васьков, назначенный начальником Управления Севвостлага, на Вишере также руководивший Управлением лагерей. Другой важной фигурой в управлении Дальстроя стал также работавший с Э. П. Берзиным на Вишере З. А. Алмазов: он возглавил московское представительство Дальстроя и замещал директора, когда тот отлучался с Колымы для решения вопросов, касавшихся деятельности треста. На местах разрешалась инициатива — не в плане самодеятельности, а хозяйственной предприимчивости.

А. И. Широков, автор исследования о Дальстрое в первое десятилетие его деятельности, отмечает: «Если мы посмотрим на содержание процесса колонизации Дальстроя, то первый период выпадает по смысловому содержанию деятельности элиты и по характеристикам — элиты то же самое. Для берзиновского периода характерен меньший бюрократизм. Задача была какая? Они приехали на пустое место. Они приехали штурмовать Север. Откуда вот эта гордость, когда Берзин говорил, что мы добываем золота сейчас больше, чем Калифорния. И в этом смысле определенный революцион-

[17] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 331. Л. 67. Контрольные цифры по гостресту «Дальстрой» на 1937 г. с объяснительной запиской.

[18] ОАОУЦ. Личные дела № 2611, 1007, 2838.

ный характер — он может оценен быть и внешне, при оценке их деятельности, и внутренне они себя так чувствовали»[19].

Колыма в один миг стала большой стройкой. Следует отметить, что Э. П. Берзин был главным во всех вопросах, даже несмотря на партийные мероприятия — чистки, где зачастую ему приходилось выслушивать много острой критики в свой адрес. Но как человек с огромным партийным и управленческим опытом он хорошо понимал, что в первую очередь нужно руководству страны. Э. П. Берзин был первоклассным организатором, имел команду единомышленников и свое видение дальнейшего развития Территории. Э. П. Берзин представляется компетентным руководителем, вникающим во многие детали горной добычи, в геологоразведку и эксплуатацию золотых приисков. Он же подготовил к началу работы и оловянные прииски, и в 1937 г. они вступили в действие еще при нем. К 1937 г. колымский край стал крупным индустриальным районом. Сумма финансирования, испрашиваемая Дальстроем на 1937 г., равнялась сумме средств, полученных Дальстроем за пять лет[20]. Другими словами, каждый год все средства, отпущенные Дальстрою, полностью использовались, каждый год финансирование увеличивалось, каждый год планы по добыче золота перевыполнялись. В 1932 г. было получено 0,5 тонны химически чистого металла, в 1933 г. — 0,8 т, в 1934 г. — 5,5 т, в 1935 г. — 14,5 т, в 1936 г. — 33,3 т, в 1937 г. — 51,4 т[21].

Результаты деятельности руководителей Дальстроя в 1930-х годах были впечатляющими. Уже в 1936 г. у них были все основания говорить, что «первоначальный период освоения Колымы закончен и что район вступает в новый период своего развития»[22]. Основными проблемами, сдерживавшими развитие края, Берзин считал проблему кадров и неразвитость транспортной системы.

В 1937 г. в Дальстрое провели большую работу по подготовке «Генерального плана развития народного хозяйства Колымской области на 1938–1947 гг.». Анализ документов генерального плана позволяет выделить главные направления развития. Прежде всего Э. П. Берзин как профессионал

[19] Беседа с А. И. Широковым, 14 декабря 2005 г. Архив автора.

[20] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 331. Л. 17. Контрольные цифры по гостресту «Дальстрой» на 1937 г. с объяснительной запиской.

[21] Там же. Д. 23. Л. 2.

[22] Там же. Д. 187. Л. 1. Объяснительная записка к годовому отчету по Дальстрою за 1936 г.

должен был заботиться о результатах управления, то есть о государственном интересе от проекта Дальстроя. Главной задачей являлось увеличение добычи металла. Берзин понимал, что в интересах хозяйственной целесообразности район должен быть расширен преимущественно к западу, а затем к северо-востоку, «хозяйственно-единая территория должна охватить большее пространство»[23].

Планируя долгосрочное развитие, директор предвидел и один из труднейших вопросов освоения Колымы — кадровый. «Общая потребность в рабочей силе возрастает с 107,3 тыс. чел. в 1938 г. до 189,3 тыс. чел. в 1942 г. и 234,9 тыс. чел. в 1947 г.», — писал он. Основную ставку Берзин делал на вольнонаемное население. «К 1947 г. мы должны прийти со 100 % вольнонаемной рабочей силой», — отмечалось в генеральном плане[24].

Берзин видел перспективы края и сам край считал не только сырьевым. Здесь планировалось развивать, помимо добычи металлов, местную промышленность, рыбную отрасль, обрабатывающие направления. Человек он был не стереотипно мыслящий и потому Колыму представлял равноправным советским регионом. Для него все было просто: лагерники переходят в колонисты, от вербовки на три года — к постоянной работе на Колыме. Он считал, что, создавая оседлые кадры, следует и проектировать соответствующий рост семейности. Колыма бессемейна: лагерники и вербованные, как правило, одиночки. Берзин же видел Колыму «материковой», он хотел, чтобы здесь жили так же, как и на материке. Проблема, как он мыслил, заключалась в удаленности края, сложной транспортной схеме доставки грузов и перемещения людей. В генеральном плане отмечалось: «При всей быстроте освоения Колымы нельзя рассчитывать на то, что семейность сравняется с “материковой”. Условия жизни будут все же отставать от “материковых”. Лишь после 1947 г. область будет прочно связана с “материком” быстрым надежным и круглогодичным железнодорожным сообщением»[25]. Наряду с переносом центра Колымы из Магадана в Таскан, строительство железной дороги на Колыму было одной из его главных идей.

Трудно сказать, как именно повлияла концепция развития Колымы Э. П. Берзина на его арест и расстрел, но оче-

[23] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 494. Л. 3. Генеральный план развития народного хозяйства Колымской области 1938–1947 гг.

[24] Там же. Л. 36.

[25] Там же. Л. 37.

видно то, что Сталин представлял будущее Дальстроя иначе. В 1941 г., уже при новом начальнике Дальстроя И. Ф. Никишове[26], Управление «Колымапроект» Дальстроя подготовило документ, подобный «Генеральному плану Берзина»: он назывался «Основные положения развития народного хозяйства и транспортных связей системы Дальстроя НКВД СССР в перспективном периоде (1942–1947 гг.)».

Интересен тот факт, что расчет численности населения края разительно отличался от берзиновских выкладок. Общая численность населения к 1947 г. определена в 392 тысячи человек, из них вольнонаемное население — 152,1 тыс. человек, местное коренное население — 18,6 тыс., колонисты — 10,9 тыс., заключенные — 210,4 тыс. человек. Понятно, что, по расчетам команды И. Ф. Никишова, заключенные в Дальстрое к 1947 г. должны были составить 54 % населения, без учета бывших заключенных. Берзин же рассчитывал на стопроцентное вольнонаемное население к 1947 г. Тогда, в 1937 г., Берзин представлял государственную позицию. В 1941 г. были уже другие реалии.

Например, касательно транспортной проблемы в «Основных положениях...» отмечалось: «Таким образом, в проектируемом отрезке времени уже сложившиеся внешние транспортные связи края не подвергнутся сколько-нибудь принципиальным изменениям, по-прежнему сохраняя "островное" положение районов деятельности Дальстроя в отношении основных промышленных районов»[27]. О строительстве железной дороги в документе не упоминалось. Начальник Дальстроя И. Ф. Никишов рапортовал Л. П. Берия, что рассмотрен новый проект третьего пятилетнего плана, что этот план отвечает общим задачам промышленного и транспортного освоения Северо-Востока СССР, «устраняет диспропорции, сложившиеся между различными отраслями хозяйства». Однако капитальные вложения на третье пятилетие, например, по таким отраслям, как гражданское строительство и местная промышленность, составляли соответственно всего 10 % и 0,8 %[28]. Это не «устраняло диспропорции», но все же обеспечивало дальнейший рост добычи золота.

[26] Никишов Иван Федорович (1894–1958) — начальник Дальстроя с 19 ноября 1939 по 25 декабря 1948 г.

[27] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1238. Л. 26–27. Основные положения развития народного хозяйства и транспортных связей системы ДС НКВД СССР в перспективном периоде (1942–1947 гг.).

[28] Там же. Д. 489. Л. 22–24. Рапорт начальника ГУСДС тов. Никишова наркому НКВД Берия.

Э. П. Берзин мог думать и о вольнонаемных кадрах, и о повышении семейности, и о строительстве железной дороги, имея среднее содержание золота в песках на промывке промприборами около 19,31 г/куб. м (1938 г.)[29]. Это огромная цифра. В 1946 г., например, среднее содержание было почти втрое меньше — около 6,83 г/куб. м. И с каждым годом оно становилось все меньше и меньше. В настоящее время золотодобывающие предприятия ценят содержание золота и в 1–2 грамма на кубический метр. Безусловно, Берзин и те, кто добывали золото в 1930-е годы, что называется, «снимали сливки» зачастую хищническими способами — это станет определяющей чертой дальстроевского «золотого менеджмента». На этом золоте вырастут первоклассные геологи мирового и союзного значения, так сказать, корифеи, на этом золоте вырастут дальстроевцы-управленцы.

Кадровые чистки. В 1937 г. на временное исполнение обязанностей Э. П. Берзина был назначен старший майор госбезопасности К. А. Павлов. В Магадан он приехал 1 декабря 1937 г. вместе с новым прокурором Л. П. Метелевым и другими новыми руководителями — начальником УНКВД по Дальстрою старшим лейтенантом госбезопасности В. М. Сперанским, начальником Севвостлага полковником С. Н. Гараниным, начальником политчасти по Дальстрою полковым комиссаром Ю. Г. Гаупштейном.

Э. П. Берзин, уезжая в отпуск, по всей видимости, чувствовал, что может последовать после такой кардинальной смены руководства. Его арестовали на станции Александров 19 декабря 1937 г. как организатора и руководителя «Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-террористической, вредительской организации». Список лиц на 139 человек, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда СССР, был послан Сталину Ежовым 27 июля 1938 г.[30] Среди 139 человек были А. С. Бубнов, П. Е. Дыбенко, Н. В. Крыленко, В. И. Межлаук, Я. Э. Рудзутак, В. Я. Чубарь. Расстрел утвердили И. В. Сталин и В. М. Молотов.

После отъезда Берзина в Магадан прибыла специальная «московская» бригада в составе чекистов: капитана госбезопасности М. П. Кононовича, старшего лейтенанта госбезо-

[29] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 491. Л. 3.

[30] Вознесенский Л. А. Истины ради. М.: Республика, 2004. С. 152–153.

пасности М. Э. Каценеленбогена (Богена), лейтенантов госбезопасности Л. А. Винницкого и С. М. Бронштейна. Бригада была подчинена начальнику УНКВД по Дальстрою В. М. Сперанскому, однако фактически руководство ее деятельностью возлагалось на начальника Дальстроя К. А. Павлова. За короткий период его руководства высший и средний слои дальстроевских управленцев были практически полностью обновлены.

Павлов Карп Александрович (1895–1957) работал в органах ОГПУ–НКВД Северного Кавказа, Сибири, Азово-Черноморского края. В органах ВЧК — с 1918 г. Первоначально работал следователем и заведующим следственной частью Казанской, Самарской и Уфимской губернских ЧК. Позднее возглавлял Гомельский, Ставропольский, Грозненский и Таганрогский отделы ГПУ, Шахтинское и Пятигорское ГПУ. В 1932–1937 гг. — заместитель полномочного председателя ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю, начальник УНКВД Красноярского края, заместитель начальника УНКВД Азово-Черноморского края, нарком внутренних дел Крымской АССР. С 21 декабря 1937 г. — начальник Дальстроя. Простудился во время наводнения осенью 1939 г.; 5 сентября 1939 г. выехал на спецлечение в Москву и на Колыму уже не вернулся. Позже он работал заместителем начальника Гулага, а с августа 1941 г. — начальником Главного управления оборонительных работ. Генерал-полковник (1945). Летом 1946 г. был уволен по болезни. В 1948–1949 гг. — начальник Волгодонстроя МВД, потом вторично уволен по болезни на пенсию. В ночь на 18 мая 1957 г. покончил жизнь самоубийством.

Павлов, сугубо военный человек, глубоко верил в ценности советского общества. Он искренне стремился к тому, чтобы как можно больше добыть золота. За 1938–1939 гг., то есть при Павлове, уровень золотодобычи продолжал расти: в 1938 г. было добыто 61,9 тонны, в 1939 г. — 66,3 тонны металла[31]. Для Павлова добыть золото значило не просто отрапортовать — делал он это с большим желанием и жестко наказывал за невыполнение плана. Приказы его назывались «оперативные», и Дальстрой оказался к войне готов, мобилизационно готов.

Телеграмма. С конца 1930-х годов начали складываться непростые отношения между руководством Хабаровского края, куда с 20 октября 1938 г. входила территория будущей

[31] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

Магаданской области (кроме Чукотского национального округа)[32] и дальстроевцами. Руководители Хабаровского края решительно позиционировали себя в отношениях с руководством Дальстроя. В 1939 г. хабаровскому руководству принадлежала главная роль в создании Колымского округа и, следовательно, в образовании окружных партийных и советских организаций.

Вопрос о нормально функционирующих партийных и советских органах на территории Колымы возникал постоянно. Еще при революционном составе Дальстроя, в апреле 1937 г., в Магадане состоялась третья межрайонная партийная конференция треста «Дальстрой». Были приняты решения, признающие существующую структуру партийного руководства на Колыме не обеспечивающей внутрипартийную демократию. Перед вышестоящими органами был поставлен вопрос о создании на Колыме уставных партийных организаций и общепринятых форм советского строительства. Берзин тогда отрезал: «Мое личное мнение таково, что Колыме нужна парторганизация порядка военной организации. Будет ли Политуправление — это было бы неплохо, но оно должно быть чисто военного оттенка»[33].

Политуправление в Дальстрое было создано в мае 1939 г. Его первым начальником назначили полкового комиссара С. К. Моренкова. Организация Политуправления была связана с общей реорганизацией гостреста «Дальстрой». По всей видимости, он уже с 28 апреля 1937 г. стал подчиняться Экономическому совету СНК СССР, пришедшему на смену упраздненному с этого времени СТО СССР. 4 марта 1938 г. гострест «Дальстрой» был передан в ведение НКВД СССР и реорганизован в Главное управление строительства Дальнего Севера, оставив за собой сокращенное название — Дальстрой. 20 октября 1938 г. его территория административно вошла в состав Хабаровского края. Вследствие происшедшей передачи, а также того, что деятельность партийных и советских органов на территории Дальстроя была сильно ограничена, Хабаровский крайком ВКП(б) предпринял по-

[32] Чукотский национальный округ до 18 мая 1951 г. относился к Камчатской области, затем был выделен и передан в непосредственное подчинение Хабаровскому краю.

[33] Бацаев И. Д. Партийная организация Дальстроя (30-е гг. XX в.) // Наука Северо-Востока России — начало века: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной памяти академика К. В. Симакова и в честь его 70-летия. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2005. С. 540.

пытку создания новой административно-территориальной единицы — Колымского округа.

Образование Колымского округа и связанные с ним события вызвали жесткое противостояние между начальником Дальстроя К. А. Павловым и начальником Политуправления С. К. Моренковым, между хозяйственными и партийными органами. Каждый гнул свою линию, обвинял друг друга в срыве выполнения плана. Даже на административном здании в центре Магадана красовались две вывески — Главного управления строительства и Политического управления. На уровне периферии это выразилось в борьбе руководителей Северного горнопромышленного управления Дальстроя — начальника СГПУ Фролова и начальника Политуправления СГПУ С. В. Маркова.

Колымский округ Хабаровского края, с центром в населенном пункте Магадан, образован 14 июля 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР. В Магадан, согласно этому указу преобразованному в город, прибыла группа партийных работников, активно принявшихся за дело. Были организованы действующие партийные органы, и уже 5 августа 1939 г. Оргбюро ВКП(б) по Колымскому округу рассмотрело вопрос об определении деятельности управления «Дальстрой» в связи с организацией Колымского округа[34]. Были приняты решения изъять из Дальстроя несвойственные ему функции и сделать его горнопромышленным главком со специализацией по добыче цветных металлов. Под «несвойственными функциями» прежде всего понимались функции, связанные с деятельностью партийных и советских органов на территории края, а также широкие функции Дальстроя, которые предлагалось урезать и передать соответствующим министерствам и ведомствам: авиация, флот, торговля, снабжение, здравоохранение, культурно-бытовое строительство и т. д.

В ответ на решения Оргбюро ВКП(б) по Колымскому округу уже 13 августа 1939 г. в Магадан пришла упоминавшаяся выше телеграмма И. В. Сталина, осуждавшая создание Колымского округа и соответствующих окружных советских и партийных органов. Освобождение Дальстроя от руководства гражданской и политической жизнью Северо-Востока и превращение его в обычное производственное управление Сталин называл схематичным и нежизненным и подчеркивал: «Дальстрой — комбинат особого типа, работающий в специфических условиях, и эта специфика требует особых условий работы, особой дисциплины, особого режима»[35]. Все было возвращено на свои места. Округ просуществовал лишь полтора месяца[36].

[34] Хроника Магаданской партийной организации, 1923–1986 гг. Магадан, 1987. С. 45.

По существу, это важное событие — образец сталинской политики воспитания кадров. Сталин показывает местному руководству, что их решения ничего не значат. Тем не менее тот факт, что Хабаровску удалось провести через Верховный Совет РСФСР решение о создании округа, дает представление, во-первых, о реальных возможностях местных партийных организаций даже в условиях чисток 1937–1938 гг. принимать инициативные конкретные решения, то есть определенным образом влиять на центральную власть; во-вторых, это свидетельствует о слабости руководства Дальстроя после проведенных чисток. Старые связи были разрушены. Начальник Дальстроя К. А. Павлов навсегда покинул Колыму. Возможно, свою роль сыграла при этом и история с Колымским округом.

Иван «Грозный». В ноябре 1939 г. вступил в должность новый начальник Дальстроя комиссар государственной безопасности III ранга Иван Федорович Никишов. Начался отсчет нового периода в истории края. В «Советской Колыме» сам Никишов так рассказывал о своем назначении: «ЦК ВКП(б) и лично тов. Сталин послали меня в Хабаровск в органы государственной безопасности. Работа была тяжелая и серьезная. Надо было ликвидировать последствия вражеского руководства — крепить и восстановить органы НКВД, очистив их от врагов народа, сделать боеспособными для охраны интересов советского народа. По-видимому, и с этой работой я справился неплохо. В связи с болезнью товарища Павлова меня вызвал нарком тов. Берия, и вскоре я был принят лично товарищем Сталиным. Товарищ Сталин спросил меня:

— Поедешь на Колыму?

— Поеду, товарищ Сталин.

— А с охотой поедешь?

Я подумал, как бы ответить так, чтобы не показалось напыщенным:

[35] Лифенцев И. В. Совершенствование структуры партийных и хозяйственных органов на Колыме и Чукотке (1938 — июль 1941) // Краеведческие записки. Магадан: Кн. изд-во, 1984. Вып. 13. С. 147–155.

[36] ГАМО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8.

— Я, товарищ Сталин, охотно выполню всякое партийное задание. Меня интересует всякое большое дело, поэтому я и поеду охотно»[37].

Этот рассказ, напечатанный в главном печатном издании Дальстроя, показывает отношение руководства страны и самих управленцев к колымской земле. Сталин лично принял И. Ф. Никишова; он всегда беседовал с руководителями, отправляющимися на Колыму. Хабаровск по сравнению с Колымой предстает куда более привлекательным местом для Никишова. Сталин понимал, что Колыма воспринималась новым руководителем как ссылка.

Никишов Иван Федорович (1894–1958) окончил сельскую школу. С 13 лет работал пастухом, батраком, а затем в Царицыне — грузчиком и извозчиком по найму. С января 1915 г. служил в царской армии на германском фронте — рядовым, унтер-офицером. Награжден Георгиевскими крестами I и IV степени. С июля 1918 г. в Красной Армии, участник Гражданской войны. В 1924 г. переведен в пограничные войска НКВД, служил на границе с Персией. В 1937–1938 гг. — начальник Управления пограничных и внутренних войск Азербайджанской ССР, начальник внутренних и пограничных войск НКВД по Ленинградской области. С ноября 1938 г. по октябрь 1939 г. — начальник УНКВД по Хабаровскому краю. С 19 ноября 1939 по 25 декабря 1948 г. — начальник Дальстроя. Генерал-лейтенант (1945). Кандидат в члены ЦК КПСС в 1939–1952 гг.

Никишов, участник Первой мировой и Гражданской войн, имевший царские и советские награды, был человеком смелым. В 1939 г. ему исполнилось 45 лет. За годы работы в Азербайджане, Ленинграде он приобрел большой управленческий опыт. На Колыме за ним закрепилось прозвище «Грозный».

Он приехал, когда кадры Дальстроя в большинстве своем были разгромлены, а оставшиеся — запуганы. Мало осталось тех, кто начинал на Колыме еще в начале 1930-х годов. И никто не знал, чего ждать от нового руководства. С учетом ситуации, сложившейся во время руководства К. А. Павлова — истории с образованием округа, невыполнением плана, конфликтов между Главным управлением строительства и Политуправлением, Никишова ждали здесь с опаской.

Никишов говорил: «Я отправлен как представитель ЦК ВКП(б), а не только как начальник Дальстроя, моя задача —

[37] Советская Колыма, 5 декабря 1939, № 281. Л. 2.

не рубить, как варяг, направо и налево». Почему Никишов подчеркивал этот факт? Дело в том, что противоречия между партийными органами и Главком никогда не исчезали на Колыме, где и лагерь, и производство, и партия, и всё, всё, всё подчинялось начальнику Дальстроя. Сталин, чувствуя это и понимая, что после чисток К. А. Павлова необходимо стабилизировать ситуацию, сделал очень тонкий ход: он направил на Колыму не просто начальника Дальстроя, а представителя ЦК ВКП(б) — кандидата в члены ЦК (И. Ф. Никишов оставался кандидатом в члены ЦК до XIX съезда)! Этим ему был выдан мандат партии. Любой начальник Политуправления по всем партийным традициям и представлениям будет многократно ниже кандидата в члены ЦК.

Никишов был жестким руководителем. К тому же в условиях военного времени и с учетом социального состава края ему надо было держать в узде и свое хозяйство, и своих подчиненных — руководителей. Большая часть его руководства пришлась на трудные для страны годы Великой Отечественной войны. Надо отдать этому человеку должное: Никишову действительно удалось стать в какой-то мере подлинным воспитателем дальстроевских кадров. Многие — уже после его ухода — критиковали его за отдельные моменты или за какую-нибудь «порочную практику», но он оставался для них символом золотой эпохи Дальстроя — их эпохи. Он был и умел быть и грозным, и мудрым, и шутливым; любил хорошо отдохнуть — и об этом ходили легенды. Никишов признавался, что иногда и сам слышал такие рассказы: «Вот мы в доме дирекции с комиссаром вместе выпивали. Комиссар частенько себе наливает (смех). Рассказывают, что дивизионный комиссар (Сидоров. — *Авт.*) 12 рюмок спирта сразу выпил. Ну, тов. Сидоров никогда 12 рюмок сразу не выпьет. Я за это могу расписаться (смех)»[38]. Сам он действительно любил отдохнуть, ввел за правило совместные выезды на дачу. Его поездки по трассе частенько превращались в настоящие попойки. После таких поездок долгое время по Управлению ходили различные слухи. При этом он был во всех смыслах профессиональным исполнителем.

19 ноября 1939 г. И. Ф. Никишов приступил к исполнению обязанностей начальника Дальстроя. Первым замести-

[38] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1246. Л. 48–49. Стенограмма совещания партийно-хозяйственного актива Дальстроя НКВД СССР, г. Магадан, 7 января 1942 г.

телем его стал старший майор госбезопасности С. Е. Егоров (до этого заместитель начальника ГУЛАГа), начальником Политуправления Дальстроя — дивизионный комиссар И. К. Сидоров. Комбриг А. Ходырев был перемещен на должность второго заместителя Никишова, а весной 1940 г. его и вовсе откомандировали в распоряжение отдела кадров НКВД СССР. Сталину было важно стабилизировать обстановку после чистки высшего руководства Дальстроя в 1937–1938 гг.; руководящие кадры Дальстроя были укомплектованы новыми людьми.

Романтики штурма Севера исчезли, на их место пришли новые люди, чья принадлежность к НКВД определяла характер мышления и деятельности. 20 ноября 1939 г. И. Ф. Никишов собрал руководящий состав Дальстроя и четко определил цели и задачи дальнейшего развития. Он сразу всех успокоил, заявив: «Мы втроем не перевернем Колыму, а будем работать вместе с вами, кадры не будем перетряхивать». Фактически уже на второй день своей работы он изложил основные принципы организации работы, которые и определят развитие Дальстроя на многие годы вперед даже и после его ухода. Главный из них — стабильность. Никишов прямо говорил о том, что арестов среди руководителей больше не будет. Он договорится и с прокуратурой, и с трибуналом. Впервые тогда прозвучали — на колымский лад — его слова о выращивании кадров, о золотом фонде Дальстроя. В феврале, в докладной записке Берии, он напишет, что необходимо отказаться от завоза на Колыму случайных людей, авантюристов, родственников заключенных, любителей северной экзотики, что руководящие кадры, начиная с главного инженера, нужно подбирать еще более тщательно. Начальник Политуправления Сидоров сказал о том, что Политуправлению и политотделам пора найти свое место и не подменять хозяйственные органы; но не правы, по его мнению, товарищи, считающие политуправления ненужными — «без них невозможно».

Никишов действительно был жестким. К тому же в условиях военного времени и при наличии определенного контингента ему следовало держать в узде и свое хозяйство, и своих подчиненных — руководителей. В трудные для страны годы Великой Отечественной войны, в самом ее начале, на Колыме было очень неспокойно, отсутствовала какая-либо информация о происходящем на фронте. Распространялись слухи, что Колыма будет отрезана, все умрут с голода, продовольствия не будет.

Никишов умел разрядить ситуацию: «Начали запасаться — кто чем может и не только обыватели, не только какие-нибудь кумушки, но даже некоторые партийные люди, среди них есть и руководящие работники. Начали говорить о том, что японцы, мол, высадились в Гижиге, на Сахалине, в Охотске и скоро высадятся на Колыме. Потом перестали об этом говорить потому, что долго японцы не появляются на Колыме (смех). Надоело ждать японцев — решили сдать Колыму и Чукотку американцам в концессию. Вызов мой в Москву начали обсуждать: "А зачем он полетел?" Одни говорят: "Наверное, на фронт отозвали", другие: "За инструкцией полетел". А вот член партии Муратов со своим помощником Кобоком, оказывается, обсуждали, зачем я вылетел в Москву, и решили, что я поехал получить указание о передаче Чукотки американцам»[39].

При Никишове план стал смыслом существования в Дальстрое. Собственно, так было и раньше, но были возможны некоторые отходы в сторону, инициатива, идеи. Никишов поддерживал различные идеи, при нем причудливым образом развивалась местная промышленность. Начальник промкомбината Ясногородский задумал делать новые бурки на Колыме. Для этого была нужна вата. Никишов поддержал и заказал оборудование для ватного производства. Но все-таки он дышал планом, и все подчинялось главной задаче. Какими были его методы управления? Сила, жесткость, требование исполнения приказа. Часто он и не слушал, что там ему рассказывает. Например, тот же Ясногородский, грубо перебивал: «Стекло будет»? Тот отвечал: «Стекло будет. Вторично заявляю, что стекло будет на Колыме…»[40]. Вообще Никишов многое разрешал и поддерживал самые разные идеи подчиненных.

Однажды Никишов заявил в докладе, что вот нужно развивать скотоводство на Колыме. И когда выступающий из Сусумана начал говорить о том, что, оказывается, у них опыт овцеводства имеется и т. п., начальник Дальстроя вставил свое слово:

«— Да, у вас ведь там всего одна овца!

— Пусть одна, но мы с ней работу вели. (Смех.)».

---

[39] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1083. Л. 20. Стенограмма собрания городского партийного актива 20 октября 1941 г.

[40] Там же. Д. 1246. Л. 110. Стенограмма совещания партийно-хозяйственного актива Дальстроя НКВД СССР г. Магадан, 7 января 1942 г.

Никишов добрел в таких случаях: «Правильно. Необходимо вести опыт над разведением на Колыме овцеводства»[41].

Такой источник, как протоколы заседаний научно-технического совета Дальстроя, дают основания полагать, что Никишов разбирался и сам вникал абсолютно во все вопросы. Конечно, действовал он в таких случаях, руководствуясь только планом. Перед ним стояли определенные задачи, и он мог заявить специалистам, например, при обсуждении проектного задания узкоколейной железной дороги Магадан–Палатка: «Меньше всего меня интересует стоимость проекта. Нам нужна дорога. Вы, проектировщики, скажите реальную возможность и минимальный срок проектирования, чтобы приступить к строительству»[42]. В этом смысле руководство Дальстроя не задумывалось об экономической эффективности проекта. Никишову нужна была дорога.

Какими были его методы управления? Сила, жесткость, требование исполнения приказа. Каждый сезон по нескольку раз он собирал руководителей горных управлений и отделов и каждого допрашивал: «Что еще вам нужно для выполнения плана?»[43]. Если у кого-то в управлении дела шли неладно, он с поразительной настойчивостью докапывался до причин и еще не один раз спрашивал: «Имеется ли у вас полная уверенность в выполнении… плана?», на что обычно следовало: «Да, тов. комиссар, план будет выполнен»[44]. Интересен тот факт, что он знал наизусть многие свои приказы, они у него складывались в систему, и он эту систему хорошо понимал и знал, как она действует. И если он чувствовал, где кроется причина неудачных действий его подчиненных, он запросто мог спросить: «Вы приказы мои читаете?»[45]; когда отвечали: «Читаю» — спрашивал: а что сказано в таком-то приказе?

Именно при И. Ф. Никишове Дальстрой достиг пика золотодобычи (см. табл. 3).

---

[41] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1373. Л. 94. Стенограмма совещания партийно-хозяйственного актива Дальстроя НКВД СССР г. Магадан, 20 января 1943 г.

[42] Там же. Д. 945. Л. 25. Протокол № 2 заседания научно-технического совета Дальстроя. 1940 г.

[43] Там же. Д. 1245. Л. 69. Краткая стенограмма совещания руководителей горных управлений и отделов ГУСДС при начальнике Дальстроя от 26 февраля 1942 г.

[44] Там же. Л. 72.

[45] Там же. Л. 70.

Таблица 3. *Основные технико-экономические показатели золотодобычи Дальстроя в 1940–1948 гг.*[46]

Показатель	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948
Вскрыша торфов м^3	10,93	9,79	8,52	5,45	7,79	9,45	8,47	11,13	11,83
Среднее содержание золота на промывке промприборами г/м^3	11,1	9,1	10,1	9,8	8,2	6,4	5,7	5,1	5,2
Коммерческая себестоимость 1 г, руб.	6,55	8,30	8,26	8,76	10,48	13,67	19,88	25,35	28,30
Получено золота, т	80,0	75,8	74,4	70,1	70,4	69,5	52,2	41,2	43,6

Как видно из данных таблицы, коммерческая себестоимость добытого золота увеличивалась, среднее содержание золота на промывке промприборами уменьшалось. Добыча золота с 80 тонн в 1940 г. рухнула до 41,2 тонны в 1947 г. — почти двукратное падение добычи[47].

Снят И. Ф. Никишов был, конечно, не по собственному желанию: Никишов представлял часть системы, и снят он был потому, что Дальстрой хронически не выполнял планы золотодобычи. Это было главным для государства: не создание нормальных условий жизни для людей, не насыщение территории населением — главным было золото, любой ценой золото, и он с этой задачей справлялся все хуже.

---

[46] Таблица приводится по данным В. Г. Зеляка. См.: Зеляк В. Г. Особенности развития золотодобывающей промышленности на Северо-Востоке России в 30–50 гг. XX в. // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 1. Магадан: Кордис, 2006. С. 87–88.

[47] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

За более чем девятилетний период руководства И. Ф. Никишова, до декабря 1948 г., в Дальстрое укоренилась система личных связей руководящих работников. К концу 1940-х годов сложилась управленческая элита Дальстроя. Сталин непрерывно тасовал управленческие кадры, но для Дальстроя он делал исключения. Последующие начальники Дальстроя (И. Г. Петренко[48], И. Л. Митраков[49]) вынуждены были считаться со сложившейся системой. Считались с Дальстроем и хабаровские руководители.

В декабре 1948 г. И. Ф. Никишов выехал на материк. На пост начальника Дальстроя был назначен его заместитель *Иван Григорьевич Петренко* (1904–1950). Трудовую деятельность он начинал молотобойцем. Участник Гражданской войны. Член ВКП(б) с 1925 г. Работал слесарем паровозного депо, машинистом, а затем в партийных и советских органах. В 1934–1937 гг. — учащийся Транспортной академии им. Сталина (Москва). После учебы руководил железнодорожным строительством в Москве, Ленинграде, Комсомольске-на-Амуре.

Его выдвижению придавали большое значение в Москве, рассчитывая на то, что он может как-то изменить ситуацию к лучшему. Об этом говорит личное письмо министра внутренних дел СССР Сергея Никифоровича Круглова. Это письмо дает возможность увидеть отношение руководства страны к Дальстрою и его руководителям. С. Н. Круглов писал: «Я решил Вам написать нижеследующее личное письмо и поделится с Вами своими мыслями». Далее он рассказывает о том, что Дальстрой хронически не выполняет план и ему, министру, за это достается. Вся надежда на Петренко!

Круглов пишет: «Вы приступаете к руководству Дальстроем со старым управленческим аппаратом. К сожалению, я не был на Дальстрое и могу судить о кадрах работников Дальстроя по тем материалам, которые ко мне поступают, и по личным встречам с немногочисленным кругом работников, главным образом руководящими работниками, но, однако, мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что кадры в Дальстрое в основном неплохие, хорошие кадры и желают побольшевистски драться за выполнение заданий Правительства. [...] Я хорошо себе представляю, что результаты работы Дальстроя в 1949 г. будут для нас с Вами своеобразным экза-

[48] Петренко Иван Григорьевич (1904–1950) — начальник Дальстроя с декабря 1948 г.

[49] Митраков Иван Лукич — начальник Дальстроя в 1950–1956 гг.

меном, своеобразной проверкой и оценкой нашей деятельности, как государственных работников. [...] Шире и смелее опирайтесь на актив работников Дальстроя, советуйтесь с активом, прислушивайтесь к его голосу, поддерживайте и проводите в жизнь предложения, направленные на улучшение организации работ. Больше опирайтесь в работе на партийную организацию и политорганы. Держите тесную связь с МВД СССР. [...] Тысячи людей смотрят на Вас и присматриваются к Вам. Вся Ваша жизнь в Дальстрое на виду»[50]. Сам министр намекнул Петренко, что нужно опираться на местные кадры, ибо без них далеко не уедешь.

Петренко, человек непосредственно из НКВД, своей деятельностью оставляет очень хорошее впечатление как компетентного в плане управления и в плане горной добычи руководителя. При нем начинается дражная добыча: во многом это именно его заслуга. Магаданский исследователь В. Г. Зеляк отмечает, что Дальстрой к этому времени уже технически существенно отставал по сравнению с другой крупнейшей организацией — Главзолото[51]. При Петренко были созданы свои конструкторские подразделения, чтобы Дальстрой мог преодолеть отставание по технологическому вооружению. Активизируется работа Всесоюзного научно-исследовательского института редких металлов. Становится меньше чрезвычайщины по сравнению с тем, что было, например, при Павлове или при Никишове. При И. Г. Петренко и И. Л. Митракове Дальстрою удалось стабилизировать ситуацию в основной отрасли. После критических показателей 1947 г. (41,2 т), в 1948 г. добыто 43,6 т, в 1949 г. — 52,4 т, 1950 г. — 49 т, 1951 г. — 49,2 т, в 1952 г. — 49,1 т, в 1953 г. — 47,6 тонн химически чистого металла[52]. Дальстроевским управленцам удалось в конце 1940-х годов удержать темпы золотодобычи. Большинство руководителей работали в Дальстрое уже многие годы и хорошо знали особенности и специфику своей системы.

Дальстрой имел поддержку на самом высоком уровне. В конце 1940-х годов секретарь партийной организации УМГБ на Дальнем Севере тов. Диденко обвинил ряд руководящих работников УМВД Дальстроя, Главного управления и Политуправления ДС в неправильном, антигосударственном отноше-

[50] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3146. Л. 63–69. Письмо С. Круглова начальнику Дальстроя И. Г. Петренко от 19 января 1949 г.

[51] Беседа с В. Г. Зеляком 26 октября 2005 г. Архив автора.

[52] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

нии к работе на Дальнем Севере: они якобы затрудняли работу МГБ на Севере по борьбе с контрреволюцией. Заместитель министра внутренних дел В. Чернышов проводил в Магадане проверку по фактам, изложенным в письме. Он констатировал: «Считаю, что все запросы, поднятые в письме… являются неправильными, надуманными и не отражающими действительного положения дела с работой УМВД и Дальстроя МВД СССР». Более того, заместитель министра обратил внимание на то, что в Магадане «исключительно тяжелое положение с размещением аппарата Дальстроя и жилой площадью для сотрудников Дальстроя… они… размещены в исключительно тяжелых условиях на площади в 4–5 раз меньше, потребной для нормальной работы»[53]. На этом и закончилась проверка.

Дальстрой существовал локально, и элита Дальстроя жила по своим законам. На фоне высокой сменяемости кадров, высшие должности занимали одни и те же люди. И хотя, например, начальники управлений Дальстроя часто менялись, а они входили в номенклатуру Министерства внутренних дел, тем не менее, за редким исключением, это были перемещения внутри Дальстроя. Из управления — в управление, повышение — понижение и т. д. Но своих же жестко наказывали за срыв плановых показателей или после различных инцидентов. Начальники управлений практически самостоятельно подбирали кадры и в этом процессе предпочитали, естественно, опираться на старых дальстроевцев.

На 1 января 1953 г. в Дальстрое из 210 ставленников номенклатуры ЦК КПСС и МВД СССР 106 человек работали в Дальстрое более 10 лет. Дальстроевские управленцы были по-своему высокопрофессиональны. Дальстроевская психология — это психология органов госбезопасности, но с особым, колымским, наполнением. Жизнь сотрудников государственной безопасности была особой: они знали репрессивную машину изнутри, ощущение опасности, пограничности ситуации сильно влияло на психику и на поведение людей.

* * *

Система управления, сложившаяся на Северо-Востоке России и связанная с деятельностью Дальстроя, носила экстремальный, специфический характер. Можно говорить о специальном режиме управления краем, где отсутствовали конституционно установленные органы государственной власти и где действовала власть Дальстроя — государства в

[53] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3619. Л. 86–87.

государстве. Это и обусловило формирование специфики дальстроевской системы управления.

К главным ее особенностям можно отнести: сверхцентрализацию управления; сосредоточение всей полноты властных полномочий в руках руководителя — директора (позже начальника) на всей территории Дальстроя и в руках начальников горнопромышленных управлений Дальстроя на периферии; широкомасштабное использование труда заключенных и связанное с этим подчинение лагерного сектора производственному на всех уровнях управления; полную независимость от всех учреждений и организаций СССР, непосредственную подчиненность СТО СССР, Экономическому совету при СНК СССР и НКВД СССР (с марта 1938 г.); выделение огромной территории деятельности в практически автономный, особый административный район; непосредственное осуществление государственных задач, связанных с решениями партии и правительства — проведением коллективизации, реконструкции хозяйства, улучшением культуры и быта коренных народов Севера; автономное руководство в использовании имеющихся ресурсов — водных, лесных (в 1932 г. все лесонасаждения в районе Колымы переданы в безвозмездную эксплуатацию гостреста)[54]; наличие собственных военнизированных подразделений, морского и речного флота, авиационных единиц и аэродромов; секретность, связанную с характером выполняемых работ (добыча золота), использованием заключенных, наличием протяженной государственной границы и охраной пограничной территории.

Образование Магаданской области: руководящие кадры и формирование управленческих структур

Данный эпизод — хронологически короткий: описываются события, имевшие место на Колыме в 1953 г. Однако он занимает важное место в структуре исследования при рассмотрении вопроса об образовании на территории деятельности Дальстроя Магаданской области. Это означало, что руководство страны перестало рассматривать Северо-Восток как специфический регион с особым режимом управления. Магаданская область не должна была отличаться от других районов СССР. Создание новой области, а соот-

[54] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 2а. Л. 15. Постановление СТО № 1128/339с от 9 сентября 1932 г.

ветственно, и новых органов власти и управления вело к переменам в организации всей прежней системы управления, методах руководства. Территория Дальстроя включалась в единую административно-территориальную систему СССР, создавались органы государственной власти. События 1953 г. предопределили направление дальнейшего развития региона.

Смерть Сталина и связанные с этим перемены в жизни страны наблюдались повсюду. На Колыме это особенно чувствовалось. Руководящие кадры Дальстроя оказались между центральной властью с затеянными ею реорганизациями, амнистиями, новыми назначениями и населением Колымы, которое словно очнулось от продолжительного сна. 6 марта 1953 г. в Магадане, на площади, где стояли здания Дальстроя и горкома партии, состоялся траурный митинг. «Советская Колыма» напечатала сообщение о смерти вождя в субботу, 7 марта.

«Баня». Магаданский театр им. Горького (Дом культуры) решил ставить «Баню» Владимира Маяковского. Необходимо отметить ту роль, которую играл театр в жизни магаданцев. А. Сандлер вспоминал: «По "Бродвею" — солидные, с животиком, полковники под руку со своими разодетыми женами, разнокалиберные майоры, стройные подтянутые капитаны. Но большинство — в штатском. Променад в выходные дни длился весь день, но к восьми вечера толпа гуляющих заметно редела: наступало театральное время... Театр знал свои взлеты и падения, но в те годы он был на подъеме...»[55]. За отсутствием телевидения главное развлечение жителей города — просмотр кинофильмов и театр.

В театр в Магадане — столице Колымы — ходили все. Грани стирались, различия оставались. Рядом сидели и руководящие кадры Дальстроя с женами, и вольнонаемные, и бывшие заключенные, давно освободившиеся или только вышедшие по амнистии, и здесь же — партийные и советские работники.

«Баню» в Магадане можно бы рассматривать как штампованный формальный проект, но на дворе — весна 1953 года. Режиссер «Бани», Горич В. Р., 25 мая проводит совещание, посвященное обсуждению спектакля. Он буквально заражен идеей. Он приводит высказывания Маяковского о целях «Бани»: «Баня агитирует за коммунизм», «Я хочу, чтоб агитация была красивой». В словах режиссера чувствуется огромное желание показать «красивый» коммунизм здесь, на Колыме, но он понимает как далеко то время, как изменились партия, люди: «У Маяковского в этой работе была своеобразная одержимость, необходимо внутренне приблизиться к той одержимости. Надо добиться, чтоб идею люди унесли домой»[56]. Почему так движется история? Режиссеру именно этой весной было так необходимо, чтобы каждый отдельный человек «внутренне приблизился» и унес домой революционную одержимость.

Здесь нужно сказать о самой пьесе, так как сам факт ее постановки в Магадане в 1953 г. просто уникален и наводит на очень многие размышления. Пьесу «Баня» Маяковский определил как «драму в шести действиях с цирком и фейерверком». Молодой изобретатель пытается пробить бастионы бюрократизма. К примеру, роман В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым», многими считающийся началом настоящей «оттепели», где будет рассказываться о борьбе изобретателя с системой, появится только через три года после постановки «Бани» в Магадане.

Главный персонаж пьесы Победоносиков — крупный партийно-государственный функционер, главный начальник по управлению согласованием, «главначпупс», — постоянно беспокоится о соответствии своего поведения партийной этике. Это типичный надутый чиновник, который между телефонными звонками и бездумным перелистыванием казенных бумаг диктует машинистке «одну общую руководящую статью», такую же бессмысленную, как и название учреждения.

Нетрудно провести параллели между «главначпупсом» и дальстроевским руководством. Некоторые игровые ситуации пьесы поражают откровенностью. «Баня», написанная в 1930 г. Маяковским, раскрывал опасность бюрократизма. Те художественные элементы, которые он использует, были вполне уместны для партийного этикета 1920-х — начала 1930-х годов. Смех оставался одним из ведущих элементов партийной ментальности. Маяковский ставил проблему бюрократии как заболевания общества. Вряд ли Маяковский подозревал, что то, над чем он смеется, будет составлять основу советской системы управления.

За 20 с лишним лет партия и партийная психология претерпели значительные изменения. Можно представить себе

[55] Сандлер А. С., Этлис М. М. Современники ГУЛАГА. Магадан, 1991. С. 477.

[56] ГАМО. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 78. Л. 11–12.

дальстроевское руководство слушающим фразы героев пьесы со сцены Магаданского театра. В 1930 г. весь тон пьесы был другой. Для режиссера «Бани» Маяковский — это оружие, которое может работать против «них»! Ведь Маяковского никто не упразднял. Но как воспринимало его пьесу местное руководство? Они здесь — на краю земли. В суровых условиях. Они не просто работают — они осваивают Север! Они здесь не перекладывают бумажки — они добывают золото стране! Они могли воспринимать содержание пьесы только с возмущением.

Ну, а о чем могли думать зрители, когда «главначпупс» оказался в очереди перед дверью своего бывшего кабинета, на которой — табличка: «Бюро по отбору и переброске в коммунистический век»? Думали ли они о себе, о том, что Колыма для них своеобразное бюро?

В финале Победоносиков «выходит из роли» и «отстраненно» задает вопрос зрительному залу: «И она, и вы, и автор, что вы этим хотели сказать? Что я и вроде не нужны для коммунизма?» Фосфорическая женщина — олицетворение «реализованной» метафоры «светлого будущего» — появляется из машины времени, представляясь как «делегатка 2030 года», которая «включена на двадцать четыре часа в сегодняшнее время». Ее цель — отобрать лучших (изобретателя и его друзей) для переброски в коммунистический век, куда они отбывают на изобретенной машине времени, тогда как Победоносиков и его секретарь остаются за бортом — в современной им действительности.

Задавал ли себе режиссер вопрос Победоносикова? Что хотел сказать зрителю режиссер. На наш взгляд, он просто резко бросал в зал: что всё сидящее перед ним дальстроевское руководство — все они не нужны для коммунизма. Все вы, Победоносиковы, проиграете в этой борьбе.

Он знал, что рисковал и признавал это: «Мы идем на большой риск, когда ставим спектакль "Баня". Есть много вещей, которые не будут восприниматься всеми. Здесь расчет — "впереди своего времени". Не рассчитывайте на прием, а держите верный темпоритм спектакля. Играйте для Маяковского — и это даст нам право поставить пьесу Маяковского»[57]. Итак, режиссер идет на большой риск, поскольку есть вещи, которые не будут восприниматься всеми. Он просит актеров играть для Маяковского, то есть играть для революционера, для революционеров, для настоящих партийцев.

[57] ГАМО. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 78. Л. 12.

Но где найти их на Колыме? А они есть. Колымская верхушка давно не грезит революционными измышлениями, более того, дальстроевская система переваривает партийную кухню по-своему. Но нужно играть — и это «даст им право».

Режиссер говорит: «...здесь расчет — впереди своего времени». Этот колымский режиссер остро почувствовал грядущие перемены. Это почувствовали и многие другие в стране, но особенно здесь, на Колыме, где не только театр, но и воздух другой, хотя и один на всех. Между тем каждый понимал происходящие в стране события по-своему.

Образование Магаданской области. В марте 1953 г. ЦК направляет на должность председателя Хабаровского крайисполкома Аверкия Борисовича Аристова, до этого работавшего секретарем ЦК КПСС. Фактически уже с апреля на Колыме начались разговоры о будущем края, связанные с образованием области. Приезжали ответственные работники Хабаровского края, советовались с местными партийными и советскими организациями, с руководителями Дальстроя.

Секретарь Хабаровского крайкома А. Ефимов направил записку в Центральный Комитет и лично товарищу Хрущеву. Крайком партии просил ЦК решить вопрос о предоставлении крайкому «права контроля за работой и хозяйственной деятельностью Дальстроя и рассмотреть предложение краевого комитета о создании в районах деятельности Дальстроя территориальных партийных и советских организаций»[58]. Таким образом, именно краевая парторганизация выступила инициатором тех преобразований в системе управления Северо-Востоком страны, которые не удалось реализовать в 1939 г.

Между тем ситуация вокруг создания области обострялась конфликтом, который возник весной 1953 г. между Л. Берия и первым секретарем Хабаровского крайкома А. Ефимовым. Конфликт подогревался также трениями между А. Ефимовым и только что приехавшим в Хабаровск А. Аристовым. Секретариат ЦК докладывал Н. С. Хрущеву о том, как прошел 22–24 октября 6-й пленум Хабаровского крайкома партии: «Товарищ Аристов, председатель крайисполкома, выступил

[58] ЦХСДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2383. Л. 3–4. Стенограмма совещания руководства Дальстроя совместно с представителями горнопромышленных управлений от 12 августа 1953 г.

по вопросам организации партийной и партийно-политической работы, но Аристов в своем выступлении не сказал о том, как советские органы должны перестраивать свою работу в свете постановления партии "О работе Хабаровского крайкома", что вызвало некоторое недоумение участников»[59].

После ареста Л. П. Берия Ефимов пытается ускорить процесс создания области. Подбираются работники в Хабаровске, в центральном партийном аппарате. В ЦК КПСС всех кандидатов на новую работу по одному приглашали на беседу. Уже летом 1953 г. на Колыме работала специальная бригада ЦК КПСС во главе с А. А. Шваревым. С этого момента Дальстроем проводилась работа по сбору информации о положении дел в районах и населенных пунктах Колымы и Чукотки, по составлению различных справок, предложений и т. д. Представители ЦК знакомились с положением дел на местах, консультировались с хабаровскими и дальстроевскими руководителями. Проводились собрания, совещания с участием сотрудников центральных ведомств, руководящих работников Дальстроя.

Обсуждались и примерные кандидатуры на работу в партийных и советских органах. На совещании в Магаданском горкоме по вопросу образования Колымской области (название еще не было определено) начальник Политуправления Дальстроя П. Буланов в связи с этим говорил: «Размах хозяйства Дальстроя, уровень интеллигенции требуют, чтобы и местные советские и партийные органы по своему уровню были на уровне этого коллектива»[60].

Одно из важных совещаний проходило в Магадане 12 августа 1953 г. под руководством представителя ЦК КПСС т. Шварева. В состав рабочей группы входили: т. Шварев — инспектор ЦК КПСС, т. Пономарев — зав. сектором промышленности и транспорта, т. Окороков — работник аппарата Совета Министров СССР, от Министерства металлургической промышленности и транспорта — т. Конычев и т. Митраков, от Министерства юстиции — т. Шевченко. Задача совещания состояла в том, чтобы подробно изучить материалы Хабаровского крайкома партии, его предложения, выявить все, что за это и что против этого предложения.

[59] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 440. Л. 159.

[60] ЦХСДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2383. Л. 147. Стенограмма совещания руководства Дальстроя совместно с представителями горнопромышленных управлений от 12 августа 1953 г.

Совещание показательно тем, что в нем принимали участие представители всех горнопромышленных управлений Дальстроя. Были высказаны совершенно разные взгляды на дальнейшее развитие территории. Вопрос о создании области стал вопросом жизнеспособности Дальстроя. Существовало много мнений насчет будущего устройства Дальстроя, но каждому было понятно, что дальше оставлять всё как есть нельзя. Критиковали многие, в том числе и руководители высшего звена.

Никитин, начальник политотдела Омсукчанского горнопромышленного управления: «Считаю, что чем быстрее будут созданы территориальные партийные органы, тем лучше будет для нашего государства»[61].

Шмыгин, заместитель начальника Политуправления Дальстроя: «Вопрос о создании области на центральной части территории Дальстроя, как мне кажется, застало руководство Дальстроя врасплох, и поэтому ни у начальника Дальстроя, ни у начальника Политуправления, да и многих других ответственных работников не был до конца продуман этот вопрос и, естественно, не было зрелого мнения»[62].

Ключевыми были мнения, высказанные руководителями Дальстроя.

Азбукин, начальник Тенькинского горнопромышленного управления: «Мое личное мнение, что мы еще не подготовлены. Надо решать вопрос заселения этого края, тогда, естественно, нужно будет одновременно решать вопрос и об этих органах… Второй вопрос — выступающие говорили о функциях, не свойственных Дальстрою. Эту несвойственность мы ощущаем на себе, но когда начинаем думать, лучше или хуже будет при изъятии этих функций, то покамест, пожалуй, чаша весов не перетянет за изъятие»[63].

Митраков: «Мне думается, что единственная организация — Дальстрой — может лучше решить вопрос комплексного освоения этого богатейшего края. В свое время, будучи в Москве, я разделял точку зрения о разделении Дальстроя на 3 части. Но, приехав сюда и ознакомившись детально с деятельностью Дальстроя, я убедился, что разделение Дальстроя на 3 самостоятельных организации является нежизненной схемой»[64].

[61] ЦХСДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2383. Л. 25.

[62] Там же. Л. 45.

[63] Там же. Л. 70.

[64] Там же. Л. 116.

В том же духе высказался и начальник Политуправления П. Буланов. Митраков как опытный руководитель понимал, что с организацией территориальных партийных и советских органов у Дальстроя, а значит и у него лично, забот о жилье, быте и культуре населения будет не меньше, а, скорее, больше. Как никто другой он знал, что вся тяжесть и забота по организации районных исполнительных комитетов, поселковых советов и райкомов партии ляжет в первую очередь на дальстроевские организации.

Митраков Иван Лукич, начальник Дальстроя с 1950 г., родился в 1905 г. С 1929 г. — член ВКП(б). В 1937 г. окончил Московский горный институт им. Сталина. Затем возглавлял Свердловский горный институт, Свердловский облисполком, Наркомат промышленности и строительных материалов РСФСР. С 1942 по 1946 г. — заместитель председателя Госплана СССР, затем заместитель министра промышленности строительных материалов СССР, заместитель министра внутренних дел СССР, а с 1950 г. одновременно и начальник Дальстроя. С 1956 г. — заместитель председателя Государственного комитета по делам изобретений и открытий. С 1972 г. на пенсии.

К концу 1953 г. он досконально разбирался в хозяйстве Дальстроя. Кроме того, до назначения на Колыму Митраков курировал Дальстрой в МВД. Он понимал суть системы, знал, как она работает, потому и заявлял вполне откровенно («чтобы товарищи поняли»), что организация территориальных партийных и советских органов «не чей-то вопрос, а наш, и рассчитывать на то, что правительство для этого отпустит сотни миллионов рублей, вряд возможно»[65]. Все эти вопросы предстояло решать Митракову и многим сидящим в зале. Он пытался убедить в этом остальных, чтобы смягчить критику, которую со всех сторон слышали представители ЦК партии. Но окружающие с горящими глазами считали это признаком слабости дальстроевского руководства.

Прения проходили остро. Ко всему добавлялась многолетняя натянутость отношений хабаровских органов и дальстроевских руководителей. Управленцы Дальстроя всячески противились «дальневосточной линии» секретаря Хабаровского крайкома А. Ефимова по созданию области в составе Хабаровского края. Неясность ситуации оставляла большие возможности для маневрирования обеим сторонам. 20 августа проходило заседание бюро Хабаровского крайкома КПСС. Велись ожесточенные споры. Начальник Дальстроя И. Л. Митраков заявил, что «если необходимость создания Магаданской области будет подтверждена ЦК КПСС, то эта область должна быть выделена из состава Хабаровского края в республиканское подчинение»[66]. Несмотря на это заявление Митракова, хабаровское руководство выступило за образование области в составе своего края. Бюро крайкома приняло постановление «Об образовании в составе Хабаровского края Магаданской области»[67]. Хабаровский крайком направил очередную записку в ЦК партии. Наступило время ожидания.

Этапным стало совещание вседальстроевского актива, состоявшееся 27–30 октября 1953 г. Начальник Политуправления т. Шмыгин резко раскритиковал И. Л. Митракова и главк: «Хозяйственному руководству Дальстроя нужно понять и еще одну истину: понять, что переход Дальстроя из органов МВД в гражданское министерство — это дело не простой смены вывески, за этим скрыт большой практический и политический смысл. Теперь уже руководить Дальстроем старыми эмвэдэмскими методами нельзя. И это надо глубоко понять не только лично вам, тов. Митраков, но и понять всем хозяйственным руководителям управлений и предприятий Дальстроя»[68]. Такое выступление свидетельствовало о серьезных разногласиях в управленческой среде между коренными дальстроевскими кадрами и городской и краевой парторганизациями.

В прениях по докладу начальника Дальстроя И. Л. Митракова выступил секретарь Магаданского горкома КПСС С. И. Чмыхов[69]. Он отметил низкий уровень руководства Митра-

[65] ЦХСДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2383. Л. 108.

[66] Бубнис Г. К. К истории образования Магаданской области // Краеведческие записки. Магадан, 1982. С. 47.

[67] Советы Северо-Востока СССР. Магадан, 1982. Ч. 2 (1941–1961 гг.). С. 219.

[68] ЦХСДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2239. Л. 36–37. Протокол Вседальстроевского собрания партийного актива 27–30 октября 1953 г.

[69] Чмыхов Сергей Игнатьевич — первый секретарь Магаданского горкома ВКП(б), представитель хабаровской партийной «школы». С начала 1940-х годов находился на партийной работе: работал секретарем райкома, в 1948–1949 гг. — инструктор отдела партийных и профсоюзных, комсомольских органов Хабаровского крайкома. В 1952 г. его переводят в самое горячее место хабаровского партфронта — на Колыму в качестве первого секретаря Магаданского горкома ВКП(б).

кова, Груши, Богданова, Александрова, Ровняличева, Сильченко, Никешичева, Волкова, Цареградского, Чугуева, Кузнецова, Буланова. Это корифеи. Чмыхов не просто стандартно «прошелся» по каждому, он подверг многих резкой критике.

Заключительные слова его речи были подобны разорвавшейся бомбе, он заявил: «Товарищи Митраков и Буланов на словах за выполнение директив партии и правительства по сокращению управленческого аппарата, а на деле получается наоборот — допускают антигосударственную практику в этом деле. На словах за увеличение добычи металлов, нужных для страны, а на деле составляют планы по сокращению объемов добычи даже уже достигнутых результатов. И эти так называемые планы вот уже почти полный год отстаиваются в Москве начальником планового управления тов. Селезневым. На словах они за удешевление стоимости содержания аппарата, а на деле проводят политику его удорожания.

Устав партии требует от всех коммунистов, чтобы они не на словах, а на деле проводили в жизнь политику партии. А действия товарища Митракова, на наш взгляд, являются непонятными. Не случайно среди трудящихся ходит такая поговорка "о династии Иванов на Колыме". Они говорят, что были у нас руководители: "Иван Грозный — Иван Федорович Никишов", "Иван Мудрый — Иван Григорьевич Петренко", а теперь у нас есть "Непонятный — Иван Лукич Митраков"...»[70].

В зале после этих слов стояли шум и свист. Ему не давали говорить, и он вынужден был останавливаться и продолжать речь снова. Сергей Игнатьевич Чмыхов был первым секретарем Магаданского горкома, чья кандидатура рассматривалась ЦК ВКП(б). Потому он чувствовал карт-бланш партии. Выступая на активе 29 октября, он уже знал о положительном решении Центра об образовании области, и не он один. Его выступление спровоцировало большой скандал. Возмущение вызвала не только фраза о «династии трёх Иванов», но и то, что Чмыхов озвучил святая святых — вопрос о занижении планов руководством Дальстроя. Когда на следующий день, 30 октября, Чмыхову предоставили слово, он бросил такую фразу: «Я сказал лишь о том, что известно не только на базаре, но и в определенных кругах»[71].

[70] Козлов А. Г. У истоков образования области // III Диковские чтения. Магадан, 2004. С. 43.

[71] ЦХСДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2239. Л. 460. Протокол Вседальстроевского собрания партийного актива 27–30 октября 1953 г.

Посыпались требования призвать секретаря горкома к партийной ответственности. Бюро Хабаровского крайкома расценило это выступление иначе — в духе развития партийной критики и самокритики. Митракову и Буланову было указано на неправильное поведение на активе. На Колыму приходили новые времена.

На этом же собрании партактива Дальстроя, когда секретарь Магаданского горкома С. И. Чмыхов высказал поговорку о «трёх Иванах», произошел инцидент, повлиявший на общую атмосферу собрания. В зал, где проходило собрание, вошло более ста освобожденных из лагеря по амнистии для объяснения с руководством Дальстроя[72]. Они прошли через охрану здания и гневно выкрикивали обвинения в адрес И. Митракова. При этом они заявили, что ожидают отправки более двух месяцев, израсходовали все деньги и вынуждены идти на преступление. Сама возможность такой ситуации еще раз показала организационную беспомощность дальстроевского руководства в новых условиях. Это дало горкому лишний козырь в борьбе с дальстроевскими кадрами.

Начиная с 1942 г., И. Митраков работал в Москве на руководящих должностях и назначение на Колыму воспринял с неохотой. Он не привык к рабочим «путешествиям», тем более в столь отдаленную окраину. Вдобавок он не имел ни оперативно-чекистской подготовки, ни достаточного опыта работы в структуре МВД, не обладал должной выдержкой и особой школой, характерной для работников органов безопасности. В это непростое время любому руководителю было бы сложно поддерживать колоссальную машину Дальстроя на высоком производительном уровне. Митраков часто уезжал в Москву и при этом редко выезжал на места, на периферию. Огромное количество приказов в начале 1950-х годов подписано его заместителями — Грушей, Березиным. На фоне предыдущих руководителей Дальстроя он выглядел непонятным. Поговорка о «трех Иванах» — элемент психологии. «Непонятный» — люди вкладывали в это слово только один смысл: долго ли это продлится?

Решение Хабаровского крайкома, поддержавшее секретаря Магаданского горкома, еще до создания на Колыме областных партийных и советских органов нанесло большой удар по авторитету начальника Дальстроя. Это стало кульминацией многолетней борьбы хабаровских и

[72] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 3. Л. 222.

дальстроевских руководителей. Председатель исполкома Магаданского городского Совета трудящихся И. М. Харитонов писал в конце 1953 г. С. И. Чмыхову: «Скоро будет партийная конференция, обмен партдокументов, структурная реорганизация партийных и советских органов… будет проходить одновременно и кое-что другое, Вам известное»[73].

Что это «кое-что другое»? Этого «кое-чего» ждали многие. Этого ждала и элита Дальстроя, и новые руководители, и просто население территории. Как они были уверены в себе — и С. И. Чмыхов и И. М. Харитонов! Это были первые на Колыме руководители партийных и советских органов, кандидатуры которых утверждались ЦК партии. Они уже чувствовали себя острием атаки. Как они были полны сил! Они думали о том, как все изменится, и мечтали о новых должностях. «Кое-что другое» — это война, которая уже разворачивалась полным ходом на просторах Территории.

Магаданская область была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 декабря 1953 года[74]. В конце декабря появилось сообщение в местной прессе. В статье подчеркивалась роль Дальстроя в развитии территории: «Колыма… Край нищеты и запустения, край сплошной неграмотности и страшных болезней, тысячи километров нехоженой глухой тайги — таким был наш край многие и многие годы»[75]. Такой была Колыма, пока не пришел Дальстрой. Но наступал новый период.

Центр. Партийное руководство страны рассматривало образование Магаданской области в русле политики очередной чистки кадров. В этой связи важно понять мотивацию Хрущева. Хрущев не был законным преемником Сталина в глазах партийного аппарата — свое право на первенство ему пришлось отстаивать в острой борьбе, используя и методы чистки государственного аппарата[76]. После смерти Сталина параллельно с борьбой за власть в партийных верхах Хрущев начинает интенсивную обработку и замену руководящих партийных кадров.

[73] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 2. Л. 5.

[74] Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975. Т. 1. М., 1975. С. 96.

[75] Советская Колыма, № 305 (5324). 27 декабря 1953 г. С. 1.

[76] См. об этом: Судоплатов П. Л. Разведка и Кремль. М., 1996.

В этой связи уже в августе 1953 г. созвано совещание заведующих секретариатами отделов ЦК КПСС совместно с работниками Общего отдела Секретариата ЦК КПСС. Такие заседания не проводились с 1951 г. И уже на этом заседании, то есть через пять месяцев после смерти Сталина, было отмечено, что «за последнее время значительно изменился состав заведующих секретариатами, на эту работу пришли новые товарищи»[77].

Успех Хрущева в борьбе за власть в стране был обеспечен расстановкой кадров на местах. Этот процесс, возможно, начался с Украины, где Хрущев имел широкие личные связи. Секретарь ЦК КП Украины А. Кириченко в докладной записке Хрущеву от 23 октября 1953 г. сообщал, что ЦК и обкомы КП Украины, «изучая положение дел на местах, определяют, в каких районах требуется укрепить кадры секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов. На должности секретарей райкомов уже подобрано 228 человек»[78].

Начиная с осени 1953 г. резко возрастают контакты Секретариата ЦК с местными партийными органами. В докладной записке Хрущеву отмечалось, что «работниками аппарата ЦК КПСС ежедневно проводится от 550 до 620 междугородных телефонных переговоров с обкомами, крайкомами и ЦК союзных республик»[79]. Надо полагать, что в данной записке приводится только количество исходящих телефонных звонков, иными словами, не учитываются звонки, поступающие с мест. Следовательно, цифры, показывающие реальное количество переговоров, на порядок выше. Такое количество телефонных переговоров было рекордным по сравнению со сталинским периодом.

Интересный случай позже расскажет А. Шварев, в 1953 г. руководитель бригады ЦК КПСС в Магадане: «Я помню такой факт. С 16 на 17 августа 1953 года в городской комитет партии ночью пришли два коммуниста и сказали, что в Магадане в одной из тюрем сидит член-корреспондент Академии наук Вологдин. Эти коммунисты поступили совершенно правильно. Ночью я встретился с Вологдиным, и мы вели

[77] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 44. Р. 4555. Л. 1. Стенограмма совещания заведующих секретариатами отделов ЦК КПСС совместно с работниками Общего отдела Секретариата ЦК КПСС от 17 августа 1953 г.

[78] Там же. Д. 3. Р. 4546. Л. 134.

[79] Там же. Д. 45. Р. 4555. Л. 74.

длительную беседу о фактах, послуживших мотивом его ареста, о его состоянии и работе. Он рассказал, что он плел корзины и таскал тачки. Когда Центральному Комитету партии было доложено об этом, в частности на Секретариате ЦК, тогда Н. С. Хрущев со всей ленинской последовательностью и остротой, невзирая на то, что об этом было не принято говорить, кратко заявил: "Нужно снять черное пятно с Магадана и Колымы, нужно восстановить в полную силу линию нашей партии, нормальную жизнь и гражданство населения"»[80]. Это показывает, что Хрущев считал своей первоочередной задачей восстановление абсолютного главенства партии в системе советского управления, ибо только партийное руководство могло восстановить «нормальную жизнь» в стране.

Колымский экспресс. После образования области в Магадан прибыла большая группа ответственных партийных и советских работников. Они приехали с разных концов Советского Союза. Кто-то из них был здесь и раньше — те, кто работал на Дальнем Востоке. Но большинство отправлялось в дорогу на новое место работы с противоречивыми чувствами. Это связано со многими факторами, которые можно выразить понятием «специфики» данного региона. В это понятие укладывается многое: география и климат территории, экономика и социальная ситуация; здесь же и то представление о Колыме, которое уже давно сложилось и было связано с лагерной историей Колымы и деятельностью Дальстроя.

Все руководители, отправленные в Магаданскую область, встретились в Москве в ЦК КПСС. Первым секретарем обкома стал Т. И. Абабков. Каждого по одному вызывали в ЦК в Отдел партийных органов на беседу[81]. Павел Яковлевич Афанасьев позже вспоминал: «Явившись в ЦК КПСС в отдел партийных органов, я встретился с Абабковым Тихоном Ивановичем, которого рекомендовали первым секретарем Магаданского обкома КПСС. Нас принял первый секретарь ЦК КПСС. Мне пришлось подробно рассказать о Колыме и Чукотке… Нам сообщили, что ЦК КПСС рекомендует нас на работу в Магаданскую область: Т. И. Абабкова в качестве первого секретаря обкома, а меня — председателем

[80] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 227. Л. 243. Стенограмма 6-й Магаданской областной партийной конференции от 15–16 сентября 1961 г.

[81] Беседа с И. Н. Каштановым 21 января 2006 г. Архив автора.

облисполкома. Конечно, мы дали согласие и поблагодарили за оказанное доверие. Вскоре состоялось решение Политбюро ЦК КПСС, где нас утвердили в вышеназванных должностях, после чего Отдел партийных органов ЦК КПСС разрешил нам подбирать руководящих работников в обком и облисполком, с правом их вызова из ряда областей, а также из аппарата ЦК»[82].

Кто же приехал руководить областью? О них стоит рассказать подробно, так как большинство из них оставалось на руководящих должностях в Магаданской области многие годы. Всех можно разделить на две группы руководителей — дальневосточную и центральную.

Дальневосточники. Это люди, работавшие в партийных органах Дальнего Востока. Многие из них, в том числе и П. Я. Афанасьев, частенько бывали на Колыме и Чукотке. Они знали условия Севера, и в основном это были выдвиженцы Хабаровской партийной организации. Даже те, кто работал не в Хабаровске, а в Приморье, на Сахалине или Чукотке, все равно были слушателями Хабаровской краевой партийной школы, часто бывали в Хабаровске. Все они прекрасно знали друг друга. Практически всех лично подбирал П. Я. Афанасьев.

Павел Яковлевич Афанасьев прошел путь с самых партийных низов. С 1945 г. на Дальнем Востоке работал секретарем обкома ВКП(б) по кадрам в г. Николаевске-на-Амуре, с 1947 г. — председателем облисполкома в Нижне-Амурской области, в 1950–1953 гг. Афанасьев — заместитель председателя Хабаровского крайисполкома.

С первым секретарем Хабаровского крайкома Александром Павловичем Ефимовым они были знакомы еще по работе в Горьковской области. С 1935 г. А. П. Ефимов работал на Горьковском металлургическом заводе, а в 1938–1941 гг. — председателем Горьковского горисполкома. Афанасьев в это время (1937–1941) был начальником завода транспортного машиностроения в г. Муром. Немногим партийным руководителям того времени выпадала возможность возглавлять крупные хозяйственные объекты. В этот период Павел Яковлевич и получил огромный опыт хозяйственной работы, который так пригодился ему в дальнейшем.

У Афанасьева и Ефимова были довольно сложные отношения. А. Ефимов поддерживал Афанасьева во многих воп-

[82] Советы Северо-Востока СССР. Магадан, 1982. Ч. 2 (1941–1961 гг.). С. 223–224.

росах. Так, когда Афанасьев был секретарем обкома Нижне-Амурской области, в апреле 1953 г., большое внимание привлекла направленная против него статья руководителя управления Нижне-Амурского госрыбтреста Притыко с характерным названием — «Глушители критики». Ефимов здесь встал на сторону Афанасьева. Дело дошло до ЦК, и заведующий отделом ЦК А. Дедов поддержал в этом вопросе Хабаровский крайком[83]. Через несколько месяцев, на пленуме крайкома, это не помешало П. Афанасьеву критиковать А. Ефимова за то, что он подбирает такие кадры, которые ему не противоречат[84]. В направлении Афанасьева в Магадан ведущую роль сыграл скорее А.Б. Аристов, бывший председателем Хабаровского крайисполкома.

Заместителем председателя облисполкома стал Иван Петрович Чистяков. Он не был на партийной руководящей работе, с 1935 по 1954 г. он работал на Сахалине учителем, директором школы, инспектором и заведующим Хабаровским краевым отделом народного образования. Афанасьев его хорошо знал и мог ему доверять.

Секретарем облисполкома был рекомендован Рощупкин Георгий Федорович, который с 1943 г. работал в Хабаровском крайкоме и крайисполкоме, и в Магаданскую область переведен с должности заведующего организационно-инструкторским отделом Хабаровского крайисполкома.

Каштанов Иван Николаевич утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации Магаданского обкома КПСС. С 1948 г. он работал в Хабаровске и был переведен в Магадан с должности заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Хабаровского крайкома.

Комаровский Дмитрий Сергеевич занял важную должность заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Магаданского обкома КПСС. Он очень хорошо знал Север и был знаком со многими дальстроевскими руководителями. Он вообще с 1939 г. работал в партийных органах Чукотки, в Марково, Анадыре, а с 1951 г. в Хабаровском крайкоме.

Рогушин Борис Алексеевич работал в Нижне-Амурском облисполкоме, позже — начальником Хабаровского крайлегпрома. На Дальний Восток прибыл еще в 1932 г. С декабря 1953 г. — заместитель председателя Магаданского облисполкома.

[83] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 440. Л. 112–113.

[84] Там же. Л. 157.

Всех дальневосточников объединяло то, что они знали друг друга, хорошо были знакомы с северными условиями, наконец, имели полное представление о Дальстрое. Они были своими для партийных и советских работников Колымы.

Центровики. Центральная группа руководителей — работники, приехавшие из центрального аппарата ЦК и правительства и из других областей Советского Союза. «Центровики» подбирались в основном Тимофеем Ивановичем Абабковым. Прежде всего следует остановится на личности первого секретаря Магаданского обкома.

Тимофей Иванович Абабков в 1939 г. по окончании Высшей школы парторганизаторов при ЦК КПСС был отправлен в Казахстан, где по партийной линии курировал сектор цветной металлургии. С 1947 по 1952 г. работал первым секретарем обкома КП Казахстана в Караганде. Ему в какой-то степени удалось избежать волны чисток в Казахстане в начале 1950-х годов. За период 1950–1953 гг. в Казахстане было снято 98 % первых секретарей горкомов и райкомов партии, а также «за антипартийные и антигосударственные поступки четверо первых секретарей и двое секретарей обкомов партии, пять председателей и трое первых заместителей председателей облисполкомов»[85]. Т. И. Абабков хорошо чувствовал ситуацию. В 1952 г. он добивается направления на курсы первых секретарей обкомов при ЦК КПСС. Предложение возглавить Магаданский обком застало его по окончании курсов.

С согласия ЦК Т. И. Абабков взял с собой из Казахстана В. С. Тимофеева и В. Н. Ферапонтова. Вторым секретарем обкома стал Владимир Семенович Тимофеев. С конца 1920-х годов он работал на Туркестано-Сибирской железной дороге. Долгое время трудился в Алма-Ате. В 1942 г. перешел на работу в Карагандинский обком. С Абабковым они были знакомы и вместе работали более 14 лет. Из Алма-Аты Тимофеев уезжал с должности заместителя заведующего промышленно-транспортным отделом ЦК КП Казахстана.

Ферапонтов Василий Николаевич также с 1940 г. работал в Казахстане в структуре Карлага НКВД СССР, потом в Карагандинском обкоме, облисполкоме. В 1946 г. был направлен в Сталинскую область на Украину. С конца 1952 г. — инструктор отдела парторганов ЦК КПСС. С 1946 г. он не работал вместе с Абабковым и Тимофеевым. Но старые связи всегда имел в виду. В 1952–1953 гг. Ферапонтов и

[85] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 449. Л. 108.

Абабков частенько встречались, и, когда поступило предложение поехать в новую область, Ферапонтов не отказался. Он стал первым заместителем председателя Магаданского облисполкома. Он был «глазами и ушами» Абабкова в облисполкоме. Но работать ему пришлось непродолжительное время. Будучи в командировке на трассе, он заболел перитонитом и умер в 1955 г.

С Абабковым приехал еще один его товарищ по работе в Казахстане — Николай Степанович Чернобиль. В 1947–1954 гг. он был заведующим особым сектором обкома партии в Караганде, с 1954 г. — заведующим особым сектором Магаданского обкома. Он будет единственным «абабковцем», проработавшим в Магаданском обкоме до самой пенсии.

Третьим секретарем обкома стал Николай Александрович Жихарев. В отличие от остальных он, хотя и окончил институт химического машиностроения в Москве, имел все-таки гуманитарный склад ума, и карьера его продвигалась по партийной линии в области пропаганды и агитации. Хорошо владел немецким языком. В 1946–1948 гг. — литературный сотрудник редакции газеты «Правда». С 1948 по 1954 г. работал инструктором Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. Человек честолюбивый, в 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию (история) в Академии общественных наук при ЦК КПСС и рассчитывал на большие перспективы в Магадане.

Из центрального аппарата партии и правительства прибыли также Иван Сергеевич Голубев (выходец из Свердловской области, инструктор ЦК КПСС) — на должность заведующего промышленно-транспортным отделом обкома, Н. С. Филиппов (Управление военного издательства Министерства обороны СССР) — редактором «Магаданской правды», Николай Яковлевич Новокрещёнов (выходец из Свердловской области, ответорганизатор ЦК ВЛКСМ) — первым секретарем Магаданского обкома ВЛКСМ, Екатерина Владимировна Иванова (Общий отдел Секретариата ЦК КПСС) — на должность заведующего секретной частью особого сектора Магаданского обкома КПСС.

Из разных областей Советского Союза прибыли: Иван Ефремович Зубец (Дагестанская АССР, заместитель министра Дагестанской республики по бюджету) — на должность заведующего финансовым отделом облисполкома, Виктор Федорович Разуванов (Дагестан, заместитель заведующего отделом Дагестанского обкома) — на должность заведующего отделом административных и торгово-финансовых органов Магаданского обкома, Сергей Алексеевич Жарков (Горьковский обком КПСС) — на должность заведующего отделом школ и вузов Магаданского обкома КПСС, Павел Алексеевич Горохов (заместитель председателя Калининского облисполкома) — на должность председателя Магаданской областной плановой комиссии облисполкома, Александр Лукич Железков (Новгородская область) — на должность заведующего Магаданским областным отделом народного образования, Борис Петрович Каплюк (Тюменский обком) — на должность заведующего финансово-хозяйственным сектором обкома, Борис Владимирович Смирнов (первый секретарь Рудного РК, Свердловская область) — на должность первого секретаря Сусуманского райкома, Александр Степанович Денисов (Свердловская область, главврач больницы «Нижний Тагил») — на должность заведующего облздравотделом облисполкома, Александр Никитович Грозин (выходец из Свердловской области) — в 1954 г. окончил ВПШ при ЦК КПСС, направлен первым секретарем Чукотского окружкома.

Как видно из приведенного, многие руководящие кадры прибыли из Свердловской области. Это объясняется не только тем, что там находились объекты горной промышленности и ведущие горные институты, но и системой личных связей. Если, к примеру, с выдвижением П. Я. Афанасьева не возникает вопросов, то с Т. И. Абабковым дело обстоит куда труднее. Сложно определить, кто конкретно выдвигал его на эту должность. Но здесь сыграли роль несколько факторов.

Во-первых, он имел большой опыт руководящей работы в горной промышленности, цветной металлургии и, что очень важно, многие годы проработал в Казахстане, где не понаслышке знал лагерные условия производства, разбирался во многих тонкостях и к тому же имел хорошие связи в МВД. Он отчетливо представлял, с чем ему придется работать на Колыме.

Во-вторых, он был своим для «свердловцев» — выходцев из Свердловской области или тех, кто там работал. Тимофей Абабков в 1929–1933 гг. учился в уральском горно-металлургическом техникуме, в 1933–1937 гг. работал начальником школы ФЗУ в г. Красноуральске, с 1938 г. — первым секретарем Кировоградского райкома Свердловской области. Он знал многих руководителей области и своего, и старшего и младшего поколения. «Свердловское лобби», традиционно сильное в центральном аппарате партии и правительства, всегда ярко было выражено и в системе Дальстроя.

В деле подбора и расстановки кадров на местах Хрущев очень спешил. Однако ему приходилось считаться с силой личных связей партийных кадров по всему Союзу. Здесь следует заметить, что роль клиент-патронских отношений[86], начиная с послевоенного периода, была очень высока и особенно проявилась в период после смерти Сталина. Хрущев, подбирая к рукам партийный аппарат, не мог противостоять силе «шефских» отношений, пронизывающих партийный аппарат сверху донизу. Начальник Дальстроя И. Л. Митраков использовал все свои связи в Москве, чтобы в область прислали нужных людей. Первым секретарем Магаданского обкома партии стал Т. И. Абабков. Возможно, начальник Дальстроя вышел на него через своего заместителя Ю. В. Чугуева[87], которого связывала давняя дружба с Т. И. Абабковым, да и сами они, Митраков и Абабков, были немного знакомы.

Трое из руководителей Магаданской области 1950-х годов еще в 1939 г. вместе работали в Свердловской области. Начальник Дальстроя И. Л. Митраков был тогда председателем Свердловского облисполкома. Будущий заместитель начальника Дальстроя Ю. В. Чугуев и будущий первый секретарь Магаданского обкома Т. И. Абабков работали в одном городе — Невьянске, в нескольких километрах от Свердловска: первый занимал должность директора Невьянского прискового управления треста «Уралзолото» (Наркомцветмет)[88], второй — первого секретаря Кировоградского райкома ВКП(б)[89]; позже они вместе работали и в Казахстане. С 1952 г. по представлению начальника Дальстроя Ю. В. Чугуев работал на Колыме. О старом партийном друге — Т. И. Абабкове — вспомнили, когда решались вопросы подбора кадров в новую область. В конце 1953 г., после

[86] См. об этом: ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2004.

[87] Чугуев Юрий Вениаминович — р. 1910 г., член партии с 1931 г., окончил в 1927 г. промышленно-экономические курсы Московского отдела народного образования, в 1934–1935 гг. — директор Кулуджунского рудоуправления треста «Алтайзолото», в 1940–1942 гг. — управляющий трестом «Каззолото», 1942–1944 гг. — заместитель начальника «Главзолото» (Москва), 1946–1952 гг. — управляющий трестом «Лензолото» МВД СССР, с 1952 г. — зам. начальника Дальстроя, с 1956 г. — начальник Дальстроя.

[88] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 4. Д. 750. Л. 10. Личное дело — Чугуев Юрий Вениаминович.

[89] Там же. Д. 41. Л. 3. Личное дело — Абабков Тихон Иванович.

окончания курсов в Москве, его срочным порядком оставили инспектором ЦК КПСС, а уже с 1 января 1954 г. он стал первым секретарем Магаданского областного комитета партии.

Интересен тот факт, что, помимо Абабкова — первого секретаря обкома, Митракова — начальника Дальстроя, Чугуева — заместителя начальника Дальстроя, в начале 1940-х годов в Свердловской области секретарем, а затем вторым секретарем обкома работал А. Б. Аристов. И с Митраковым они были хорошо знакомы. Позже Аристов вообще долгое время будет представлять что-то вроде «магаданского лобби» в ЦК КПСС. В 1957 г. в качестве заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР он напрямую будет задействован в принятии важного решения по Магаданской области.

Конечно, все воспринимали свое назначение по-разному, но все ехали сюда сами. К тому же следует отметить тот факт, что решением ЦК работникам парторганов Магаданской области зарплата была установлена на 100 % выше партработников центральных областей[90]. Кроме того, существенный плюс составляла и выплата надбавок как работникам Крайнего Севера и отдаленных местностей, приравненных к районам Крайнего Севера[91].

В Магадан руководство прибывало группами в период с конца декабря 1953 г. — начала января 1954 г. Огромная работа предстояла и обкому, и облисполкому. На первом заседании бюро обкома были распределены обязанности между секретарями обкома. Т. И. Абабков — общее руководство, отдел партийных органов, особый сектор, партийная комиссия, В. С. Тимофеев — административный отдел, сельхозотдел, промышленность, финхозсектор, Н. А. Жихарев курировал отдел пропаганды и агитации и отдел школ[92].

Облисполком. Обком как структурная организация партии на региональном уровне управления был выше, чем облисполком. Остановимся на структуре и кадрах Магаданского облисполкома, чтобы понять, какую роль он играл в осу-

[90] Там же. Оп. 5. Д. 812. Л. 2. Директива отдела Управления делами ЦК КПСС от 22 января 1954 г.

[91] При выплате надбавок работникам Крайнего Севера и отдаленных местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, руководствовались указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. и постановлением Совета Министров СССР № 689 от 28 февраля 1953 г.

[92] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 1. Л. 7. Протокол № 1 заседания бюро МО КПСС от 16 января 1954 г.

ществлении государственного управления. На момент образования аппарат исполнительного комитета Магаданского областного Совета депутатов трудящихся состоял из следующих структурных частей: руководство, организационно-инструкторский отдел, общий отдел, сектор кадров, бухгалтерия, протокольная часть, общая канцелярия, сектор наград, юрисконсульт, приемная по жалобам.

Важную роль играл организационно-инструкторский отдел облисполкома. Согласно Положению об организационно-инструкторском отделе исполкома этот отдел являлся аппаратом исполкома, с помощью которого исполком «осуществляет оперативное руководство исполкомами окружного, районных, городского, сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся, проверяет деятельность и оказывает им помощь в улучшении организационно-массовой работы»[93].

Функции отдела заключались в проверке работы исполкомов и наблюдении за выполнением ими конституционных требований, систематической проверке исполнения местными Советами решений партии, правительства и облисполкома, в подготовке предложений по вопросам административно-территориального устройства и внесении их на рассмотрение облисполкома.

Обком. Ведущей организацией был обком, который являлся своего рода штабом по управлению областью, хотя основная нагрузка в плане управления хозяйством ложилась на облисполком. Структура обкома выглядела следующим образом: руководство (первый секретарь — Т. И. Абабков, второй секретарь — В. С. Тимофеев, секретарь — Н. А. Жихарев, помощник первого секретаря — А. Д. Кузнецов); отдел партийно-профсоюзных и комсомольских органов (заведующий — Д. С. Комаровский; заместитель заведующего, сектор учета кадров, сектор партийной статистики и единого партбилета, инструкторы, инструктор по учету кадров); отдел пропаганды и агитации (заведующий — И. Н. Каштанов; заместитель заведующего, сектор агитации, сектор пропаганды, сектор печати и радио, лекторская группа); промышленно-транспортный отдел (заведующий — И. С. Голубев; заместитель заведующего, инструкторы); отдел административных и торгово-финансовых органов (заведующий — В. Ф. Разуванов; заместитель заведующего); сельскохозяйственный отдел (заведующий — М. Н. Градов; инструкторы); отдел школ (заведующий — С. А. Жарков, с 1955 г.; инструкторы); парткомиссия (председатель — В. А. Ушаков; члены, инструкторы); особый сектор (заведующий — Н. С. Чернобиль; секретная часть, протокольная часть, ответственные шифровальщики); финхозсектор (заведующий — Б. П. Каплюк; главный бухгалтер, инструкторы-контролеры).

Секретариат обкома занимался технической стороной организации деятельности обкома. Утверждал кадры технических работников, занимался вопросами направления руководящих работников в районы области, предоставления отпусков, выдачи путевок, оказания материальной помощи, определял состав бригад для подготовки вопросов на бюро обкома, состав комиссий по проверке деятельности предприятий, облисполкома, горисполкома и сигналов о зажиме критики.

Таким образом, областной комитет КПСС — это ведущее звено партийной структуры и государственного управления. Основные доходы обкома формировались за счет членских партийных взносов, финансирования из партийного бюджета, из местного бюджета, а также из различных поступлений (поступления за бланки партийных документов; проценты, начисленные банком; поступления за пользование имуществом и автотранспортом, перечисление в доход кредиторской задолженности, доходы подсобных хозяйств парторганов)[94].

Бюджет областной партийной организации утверждался решением ЦК КПСС и направлялся в обком Управлением делами ЦК КПСС. Расходы на содержание телефонов, текущий ремонт и охрану помещений парторганов производились по сметам соответствующих исполкомов местных Советов[95]. Персональные машины были предусмотрены только для первых секретарей обкомов и крайкомов, остальные пользовались дежурными легковыми машинами. В бюджете предусматривалась выдача льготных путевок в санатории, дома отдыха и оплата проезда туда и обратно по тарифу жесткого вагона с плацкартой.

Постоянно большие перерасходы по областному комитету допускались по статьям «надбавки в отдаленной мест-

[93] ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 8. Л. 88. Протокол № 7 заседания Исполкома Магаданского областного Совета депутатов трудящихся от 11 февраля 1954 г.

[94] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 827. Л. 17. Финансовый отчет обкома за 1954 г.

[95] Такой порядок действовал до 1 января 1966 г.

ности» и «командировки», что объясняется большой территориальной разбросанностью и отдаленностью районов от областного центра, а также по статье «Подъемные при перемещениях», особенно в 1954 г., что объясняется большим количеством перемещений работников при формировании вновь аппаратов обкома и райкомов КПСС. Многие ответственные работники были направлены из других областей и Хабаровской краевой партийной школы. Перемещение работников производилось только самолетами из-за отсутствия другого вида транспорта по повышенным тарифам Крайнего Севера и выплата подъемных и суточных осуществлялась в двойном размере при повышенных окладах[96].

Обкомы могли передвигать кредиты (сметные ассигнования) из одной статьи в другую статью, кроме ассигнований на заработанную плату, лечебные мероприятия и фонд помощи. Произведенное передвижение кредитов отражалось в полугодовых и годовых финансовых отчетах. Бюджет Магаданской области утверждался Президиумом Верховного Совета РСФСР. Самые крупные доходы в основном поступали по таким статьям, как налог со зрелищ и налог со строений[97]. Остальные виды налогов и сборов — земельная рента, разовый сбор на колхозных рынках, сбор с владельцев транспортных средств, сбор с владельцев скота, плата за обучение — занимали незначительный процент при формировании областного бюджета.

Дальстроевское лобби. Многие работники пришли в обком из Дальстроя. При этом тем, кому были установлены повышенные ставки зарплаты или сохранена зарплата, получаемая в Дальстрое, выплачивали зарплату по этим ставкам до тех пор, пока они работали на занимаемых должностях. Первый секретарь обкома получал больше 6 тысяч рублей в месяц, секретари — около 4,5 тысячи, заведующие отделами — от 2,5 до 4 тысяч рублей[98]. В Дальстрое, а позже в совнархозе сохранялись повышенные тарифные ставки.

[96] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 827. Л. 4–5. Финансовый отчет обкома за 1954 г.

[97] ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 9. Л. 17. Протокол № 14 заседания Исполкома Магаданского областного Совета депутатов трудящихся от 16 апреля 1954 г.

[98] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 842. Л. 1. Ведомости на выплату зарплаты работникам обкома за 1954 г.

Такие важные должности, как помощник первого секретаря обкома и председатель партийной комиссии обкома, заняли соответственно А. Д. Кузнецов, в 1952–1954 гг. бывший начальником секретариата Политуправления Дальстроя, и В. А. Ушаков, работавший на Колыме в структурах Политуправления Дальстроя с 1938 г. Кроме того, с самого создания области в обкоме работали А. И. Жарких (заместитель заведующего промышленно-транспортным отделом Магаданского обкома), в 1950–1954 гг. бывший начальником механико-судового отдела управления Нагаевского порта Дальстроя; А. Н. Запорожец (заместитель заведующего отделом административных и торгово-финансовых органов обкома), с 1938 г. работавший в органах НКВД и с 1947 г. — в Дальстрое; И. К. Зырянов (заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов обкома), с 1938 г. работавший в органах НКВД и с 1947 г. — в Дальстрое; Д. М. Ильин (заведующий сектором учета кадров обкома) — с начала 1930-х годов на Дальнем Востоке, с 1939 г. — в Дальстрое; Г. Д. Оглезнев (заведующий промышленно-транспортным отделом) — на Колыме с 1938 г., в 1949–1954 гг. — заместитель начальника отдела партполитторганов Политуправления Дальстроя; П. В. Леонтьев (инструктор промышленно-транспортного отдела) — с 1947 г. в Дальстрое; А. А. Травин (инструктор обкома) — на Колыме с 1932 г. Анализ показывает, что представительство бывших работников Дальстроя в обкоме было весомым. И хотя среди заведующих структурными подразделениями обкома большинство было не за ними, тем не менее они занимали ключевые посты и их влияние было существенным.

Бюро обкома. Бюро обкома состояло из 9 человек: Т. И. Абабков (первый секретарь), В. С. Тимофеев (второй секретарь), А. Н. Жихарев (секретарь), П. Я. Афанасьев (председатель облисполкома), И. Л. Митраков (начальник Дальстроя), Н. Я. Новокрещенов (первый секретарь обкома ВЛКСМ), В. Н. Ферапонтов (первый заместитель председателя облисполкома), Д. С. Комаровский (заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов обкома) и П. И. Ромашков (начальник управления КГБ при Совете Министров СССР, прибывший из Москвы).

Как видно, от Дальстроя членом бюро являлся только сам начальник Дальстроя — И. Л. Митраков. Бюро обкома решало ключевые вопросы и прежде всего кадровые. Бюро назначало первых секретарей районных комитетов партии и председателей райисполкомов с утверждением их в ЦК КПСС, утверждало состав бюро райкомов, вторых и третьих секре-

тарей райкомов, заведующих отделами райкомов, заведующих отделами облисполкома, прокуроров городов и области, прокуроров районов, заместителей председателя и членов областного суда, осуществляло контроль за деятельностью комсомольских и профсоюзных органов, утверждало директоров школ, совхозов, музеев, редакторов газет и т. д.

Обком являлся главным связующим звеном между ЦК и регионом. И в этом смысле основная задача бюро обкома заключалась в управлении партийной организацией региона. Бюро назначало (с утверждением ЦК) время проведения областной, городских и районных партийных конференций, в том числе и конференций ВЛКСМ, проводило с разрешения ЦК обмен партийных документов, утверждало бюджет партийной организации, занималось вопросами обучения — направлением слушателей в партийные школы СССР, осуществляло разбор непартийного поведения.

Решения бюро областного комитета партии в основном насыщены такими лексическими оборотами, как «обязать», «устранить», «изыскать» и «покрыть», «закончить в срок», «принять к сведению», «обком требует» и т. д. Реже встречалось «поручить», «предупредить», «предложить». В состав членов бюро райкомов при образовании области, как правило, входили первый секретарь райкома, второй секретарь, секретарь, председатель райисполкома, начальник райотдела МВД, начальник ИТЛ и горнопромышленного управления, начальник политотдела ИТЛ ГУЛАГа МВД СССР.

Районы. В районах представительство выходцев Дальстроя в созданных партийных и советских органах было также заметным. И на самом высоком районном уровне — первых секретарей райкомов — были люди с большим дальстроевским стажем: Среднеканский райком — А. Н. Никитин (с 1938 г. на Колыме в системе Управления Севвостлага), Ольский райком — С. А. Матвеев (с 1937 г. в Дальстрое, с 1945 г. — первый секретарь Ольского райкома партии, Северо-Эвенский райком — В. С. Марков, Сусуманский райком — Б. В. Смирнов (прибыл из Свердловской области), Тенькинский райком — С. В. Марков (с 1932 г. в ОГПУ, с 1938 г. — в Дальстрое), Ягоднинский райком — И. П. Балакирев, Омсукчанский райком — Н. И. Архипов, райком Чукотского национального округа — А. Н. Грозин, Анадырский райком — Ф. П. Александров (на Дальнем Востоке в органах НКВД с 1939 г.), Восточно-Тундровский райком — М. С. Ивандеев (с 1938 г. на Чукотке в партийных органах), Марковский райком — Г. В. Гринкевич, Чаунский райком —

П. И. Феоктистов, Чукотский райком — П. Г. Антушев, Иультинский райком — Г. И. Андросов.

Многие из назначенных секретарей работали при Дальстрое секретарями райкомов на Чукотке, были связаны с Хабаровским крайкомом, работали в других областях Дальнего Востока. Конечно, это естественная ситуация: дальстроевцы, проработавшие здесь годы, отлично владели ситуацией, знали все проблемы районов, потому вполне разумно было представить их на руководящих должностях в районах.

Итоги. Магаданский обком в первые месяцы работы в основном справился с подбором и замещением должностей работников номенклатуры ЦК КПСС. Заведующий отделом парторганов обкома сообщал Т. Абабкову в марте 1954 г.: «Подобраны и утверждены на бюро обкома КПСС зав. сельскохозяйственным отделом, председатель партийной комиссии, зам. зав. отделами и другие работники аппарата. Всего подобрано и утверждено ответработников в аппарат обкома партии — 38 человек и 18 человек технических работников. Кроме того, в аппарат обкома прибыло 13 ответработников по путевкам ЦК КПСС. Таким образом, по состоянию на 17 февраля с. г. в аппарате обкома имеется 51 ответработник из 74 по штату. В ближайшее время будет полностью закончено укомплектование аппарата обкома. Для вновь образованных райкомов подобрано на месте 17 ответработников. Помещениями обком и райкомы КПСС обеспечены, однако для нормальной работы эти помещения требуют серьезного ремонта и оборудования. Обком и райкомы партии на местах начали свою работу. Исполком областного Совета депутатов трудящихся работниками номенклатуры ЦК и обкома в основном укомплектован. Соответствующими ведомствами приняты меры по организации районных отделов МВД, прокуратуры и других учреждений и организаций во вновь образованных районах области»[99]. Однако дело с подбором и утверждением номенклатуры обкома продвигалось явно неудовлетворительно. Из 599 должностей номенклатуры обкома было утверждено только 160 человек. Бюро обкома и районные комитеты партии медленно комплектовали и собственный аппарат. В мае 1954 г. партийный аппарат был укомплектован только на 86 %.

[99] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 505. Справка «О комплектовании партийного и советского аппарата Магаданской области» от 27 марта 1954 г.

Через опыт подбора кадров в Магадан ясно прослеживается сила клиент-патронских отношений в партийных структурах. Все хотели работать с теми, кого знали, кому доверяли, с кем раньше работали. Абабков перетянул своих из Казахстана, Свердловска и других областей. Афанасьев опирался на выходцев Хабаровской парторганизации. Не выезжая из Москвы, они вынесли на Президиум Верховного Совета РСФСР предложения по административному устройству Колымы: они были подготовлены в Дальстрое. Большое количество новых людей направлено на руководящие должности в Магаданскую область. Географический охват, разносторонний опыт, широкие личные связи нового руководства должны были положительно повлиять в управленческом плане на ситуацию в области. Однако было одно «но»: многие из них никогда ранее не были на Территории.

Анализ кадровой расстановки с начала образования области говорит о том, что руководство Дальстроя имело большое влияние в Магаданском обкоме и районах области. Многое также зависело от кадров, центральная и дальневосточная группы руководителей были сосредоточены в большинстве своем по двум важнейшим структурам управления: центровики — в обкоме, дальневосточники — в облисполкоме. Исходя из этого, с самого начала наблюдалось и некоторое противостояние обкома и облисполкома как структур управления и как личное соперничество первого секретаря Т. И. Абабкова и председателя облисполкома П. Я. Афанасьева. Все это происходило на фоне борьбы с дальстроевским укладом. Приехавшим руководителям был необходим свой лидер в складывающейся системе отношений, и таким лидером должен был стать Т. И. Абабков.

В ЦК КПСС утверждались кадры как подобранные Хабаровским крайкомом, так и те, кто прошел утверждение не без участия дальстроевского лобби. Дальневосточники, направленные в область, рьяно рвались к борьбе с Дальстроем, и многих поражало пассивное поведение первого секретаря обкома. Штаб борьбы со старыми порядками возглавил ставленник А. Б. Аристова, председатель Магаданского облисполкома — П. Я. Афанасьев. Вокруг него группировались и партийные, и советские руководители, которые считали, что нужно отходить от старых методов руководства, ибо изменения, которые проводят в жизнь партия и правительство, должны более решительно внедряться на колымской земле.

Поскольку одной из приоритетных задач региона оставалась добыча золота, руководящие кадры Дальстроя оставались на ведущих ролях во многих структурах управления областью. Здесь следует различать тех, кто проработал многие годы в Дальстрое, на Северо-Востоке, на Чукотке на Дальнем Востоке, и собственно управленцев Дальстроя. Понятно, что и многие руководители на Колыме ждали качественных изменений с созданием области. Они видели недостатки системы и лучше других знали, какие нужны перемены, ждали качественных изменений от работы обкома. Руководящие кадры Дальстроя не собирались отдавать бразды правления без боя.

* * *

Анализ документов показывает, что существовала напряженность в отношениях между советскими и партийными органами, постоянные столкновения с Главным управлением Дальстроя. Наша рабочая гипотеза о процессе замещения дальстроевских кадров новыми основывалась на следующих предположениях. Существовали дальстроевские управленцы, которые, несмотря на потерю былых рычагов влияния, вовсе не намерены были сдавать позиции с образованием Магаданской области. В то же время существовала и группа руководителей, приехавшая в Магадан в конце 1953 г. — начале 1954 г., занявшая ведущие места в структурах областного комитета партии и облисполкома. Они пользовались поддержкой Москвы и имели четко поставленные задачи, главная из которых — исправить «искривления» социалистической законности, имевшие место на Колыме. Одной из главных причин создания области послужило падение золотодобычи. Возможно, что причины были все-таки в большей степени политические, связанные со смертью Сталина и последовавшими переменами.

Для Хрущева важно было максимально обновить кадры МВД, что и было сделано на всех участках, в том числе и на Колыме. Место Дальстроя на Северо-Востоке должна была занять Магаданская область. Это не просто смена вывески — это попытка пересмотра существующей системы. Решение проводилось через проверенный административный ресурс — реорганизацию действующей системы и максимальную смену прежних кадров. С созданием новых органов, со сменой руководства перемены должны были отразиться в первую очередь на системе государственного управления. На Колыме перед обкомом и облисполкомом стояли задачи: во-первых, принять власть у Дальстроя, во-вторых, устранить перегибы дальстроевского управления территорией, в-третьих, обеспечить нормальные условия жизнедеятельности населения. Вот три

главные задачи. Дальстроевские управленцы даже не пытались решать проблемы социальной сферы. Пересмотр системы заключался в том, что были даны установки обращать внимание на социальные нужды населения, на условия, в которых люди жили и работали на Колыме. Процесс, связанный с решением этих задач, не мог проходить безболезненно.

Дальстрой оказался устойчивой системой. Да и сама Магаданская область была образована не в составе Хабаровского края, как того хотели партийные чиновники Дальнего Востока, а в составе РСФСР. Это усиливало позиции дальстроевского руководства, чувствовавшего себя хозяином территории. Именно кардинальная смена руководства говорит о приходе новой эпохи на Колыму. Борьба была неизбежна — борьба «старого» и «нового», Дальстроя и партийно-советского руководства области. Эта борьба особенно проявится в период 1954–1957 гг.

II.

Глава II

ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ (1954–1957)

Численность и социальный состав населения

Эта глава посвящена системе управления и управленцам Магаданской области и тем проблемам, с которыми им пришлось столкнуться в 1954–1957 гг. Чтобы реально представить масштабы перемен, обратимся к анализу численности и социального состава населения области в указанный период. В предыдущей главе было показано, что реформирование системы управления началось сразу после смерти Сталина. Дальнейшее ускорение перестройке системы управления в Магаданской области было придано докладом Н. С. Хрущева на XX съезде партии «О культе личности и его последствиях». Именно этот доклад сделал процесс реформ в стране необратимым, а для населения Магаданской области с его богатой лагерной историей 1956 год означал начало новой эры. Качественные изменения затронули все стороны жизни на Северо-Востоке страны.

Государственное финансирование горнодобывающей промышленности непрерывно уменьшалось, количество заключенных — основной рабочей силы — становилось все меньше, население территории быстро менялось, Дальстрою приходилось учиться работать с новыми вольнонаемными кадрами, соблюдая при этом нормы советского законодательства. При этом население возлагало большие надежды на образование области, считая, что теперь должны быть решены социальные проблемы, связанные с обеспеченностью жилой площадью, учреждениями культурно-бытового обслуживания, питанием и т. д. Прежде всего руководству области предстояло решать огромный пласт проблем, связан-

ных с социальными нуждами населения. Чтобы представить масштаб задач, стоявших перед руководством региона, остановимся на краткой характеристике Магаданской области.

Магаданская область располагалась на крайнем северовостоке Советского Союза и входила в состав самой крупной из союзных республик — РСФСР. Граница области совпадала с Государственной границей СССР. Здесь, в Беринговом проливе, проходит морская граница с Соединенными Штатами Америки. Площадь области около 1200 тыс. км^2 — это примерно $^1/_{20}$ часть площади бывшего СССР и больше площади таких европейских государств, как Франция, Германия, Италия вместе взятых.

Территория области лежит в трех часовых поясах, и разница во времени между Москвой и Магаданом составляет восемь часов. Климат области характеризуется большой суровостью. Формирование его обусловлено различными факторами. Область расположена в зоне вечной мерзлоты. В континентальных районах области морозы достигают 55–60°, а в приморских — преобладают сильные ветры, пурги, снежные заносы, туманы, резкая смена погоды и колебания атмосферного давления, лето дождливое. Условия жизни и работы в районах области очень суровы. Эти условия вызваны географическим положением Магаданской области, с трех сторон омываемой холодными водами Северного Ледовитого океана, Берингового и Охотского морей.

Основные события, повлиявшие на формирование расселения, связаны с историей освоения Магаданской области. Геологоразведочные работы и эксплуатация золотороссыпных месторождений в бассейне реки Колымы в 1930-е годы привели к образованию здесь сети поселений вольнонаемных, заключенных и спецпоселенцев из центральных районов СССР. На момент образования области (начало 1954 г.) население области составляло 207,7 тысячи человек[1]. Из них в городе Магадане проживало 48,4 тысячи, в районах Колымы — 142,2 тысячи человек, в Чукотском округе — 11,9 тысячи. Первая половина 1950-х годов характеризуется постоянным ростом населения области (см. табл. 4[2]).

[1] ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 145. Л. 2.

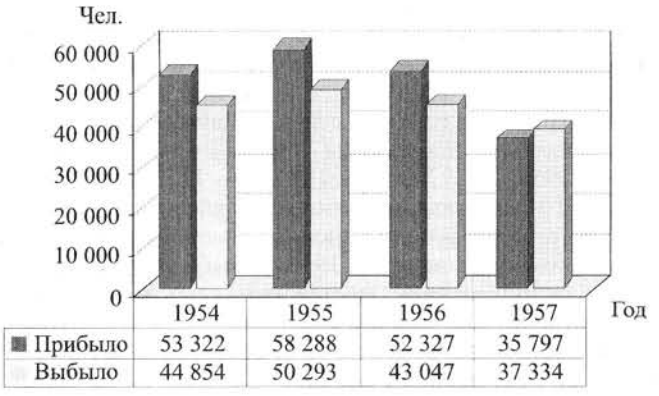
[2] Составлено по: Динамические ряды по населению Магаданской области за 1954–1958 гг. (данные на 1 января). — ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 145. Л. 1; Письмо начальнику Статуправления Магаданской области Нечаеву В. Е. от зам. начальника Статуправления РСФСР И. Шилкина от 3 августа 1956 г. — ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 389. Л. 26; Материалы Всесоюзной переписи 1959 г. — ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 986. Л. 1; Технико-экономические показатели на 1 января 1966 г. — ГАМО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 255. Л. 59.

Таблица 4. *Численность населения Магаданской области*

Численность (тыс. чел.)	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Магаданская область в том числе:	207,7	224,8	239	252,7
районы Колымы в том числе	175,2	186,7	206,8	202
г. Магадан	48,4	52,5	55,3	57,8
Чукотский округ	32,5	38,1	42,9	45,9

Рост населения происходил прежде всего за счет притока населения из других районов страны, а также естественного прироста населения. Естественный прирост населения по Магаданской области в 1953–1957 гг. составлял в среднем 5 тыс. человек в год и был выше, чем по РСФСР. Более молодая возрастная структура населения обусловливала более высокие показатели рождаемости в указанный период. С другой стороны, по данным А. Н. Пилясова, в 1950-е годы в Магаданской области наблюдалась более высокая смертность, чем в целом по РСФСР[3]. Важнейшей причиной роста населения в 1954–1957 гг. стала миграция (см. диагр. 1).

Диаграмма 1.
Механическое движение населения по Магаданской области[4]



	1954	1955	1956	1957
Прибыло	53 322	58 288	52 327	35 797
Выбыло	44 854	50 293	43 047	37 334

[3] Динамика расселения и демографической ситуации в Магаданской области (1954–1990 гг.). Статистический сборник. Магадан, 1992. С. 64.

[4] Составлено по материалам Статуправления Магаданской области. ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 145. Л. 17; Д. 704. Л. 92; Д. 950. Л. 109; Д. 2025. Л. 39–40 об.; Д. 2784. Л. 234 об.; Д. 2778. Л. 90–91; Д. 2972. Л. 89; Д. 3267. Л. 114 об.

Данные показывают существенный механический прирост населения за счет миграции из других областей Советского Союза. Однако в 1957 г. впервые количество прибывших меньше количества выбывших: это свидетельствало о кризисе дальстроевской системы, основанной на вербовке рабочей силы, и ставило перед руководством задачи по решению главной проблемы территории — кадровой.

Тем не менее характерным признаком периода явилась интенсивная миграция населения. Конечно, большое движение населения наблюдалось внутри Магаданской области в связи с перераспределением числа рабочих между отдельными промышленными районами. Люди ехали в Магадан со всех уголков Советского Союза. Но в основном население прибывало из районов и областей, граничащих с Магаданской областью (Хабаровский край, Приморский край, Якутская АССР), и из Москвы и Подмосковья. Прибытие населения в область шло в основном по специальному набору в строительные организации и промышленность области. Всё новое, что появлялось в Москве, потихоньку добиралось и до Магадана. Постоянное обновление населения свежей кровью оставляло в области сильные, выносливые кадры.

Анализ статистических материалов показывает, что в область прибывали в основном городские жители в возрасте 25–34 лет[5]. Таким образом, приток населения из других районов страны происходил за счет молодых возрастов. 69,6 % трудящихся в народном хозяйстве области составляли лица в возрасте 20–39 лет, что почти в два раза больше, чем в центральных районах страны. Данные по численности пенсионеров в 1950-е годы (1954 г. — 4145 чел., 1955 г. — 5455 чел., 1956 г. — 7203 чел., 1957 г. — 7275 чел., 1958 г. — 7419 чел.[6]) показывают их небольшой удельный вес. Пенсионеры, которые получили пенсию в соответствии с законом о государственных пенсиях 1956 г., выбывали из пределов области на постоянное местожительство в центральные районы страны. По данным статуправления, население области в 1950-х годах почти на 60 % составляли договорники, которые по истечении 30 месяцев, т. е. окончания срока договора, выезжали в центральные районы страны.

[5] ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 259. Л. 114. Записка начальника Статуправления В. Нечаева начальнику отдела населения и здравоохранения Статуправления РСФСР тов. Петровой Е. В. от 15 июня 1956 г.

[6] Там же. Д. 704. Л. 44. Записка начальнику отдела статистики населения и здравоохранения тов. Шуруповой Т. А. от заместителя начальника Статуправления П. Кручининой от 18 марта 1959 г.

Состав работающих в Дальстрое имел устойчивые показатели (см. диагр. 2). Всего в Дальстрое на 1 января 1954 г. работало 140 625 чел. Как и в предыдущие годы, женщины составляли небольшой процент (18 %). Этим обусловлены диспропорции в составе населения по полу и, следовательно, самые низкие в СССР показатели брачности и семейности. Рабочие кадры в период деятельности Дальстроя состояли из спецконтингентов; из них же комплектовалась значительная часть инженерно-технических работников.

Диаграмма 2.

Состав и характеристика работающих в Дальстрое на 1 января 1954 г.[7]

[7] Составлено по: Отчет о работе руководящих кадров ГУСДС ММП СССР за 1953 г. — ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 5132. Л. 47.

Как видно из данных диаграммы, 62 % работавших в системе Дальстроя, составляли спецпоселенцы, ссыльные, бывшие заключенные, т. е. люди, прошедшие лагерную жизнь и находившиеся под контролем со стороны соответствующих органов.

Одной из главных причин возникающих конфликтов было неприятие старыми дальстроевцами новых приезжих, комсомольцев, искателей приключений. Особенно это проявлялось в горнодобывающих предприятиях, геологоразведке, где и было занято большинство населения. Руководители предприятий, геологоразведки Дальстроя признавали, что необходимо «особое внимание уделить старым рабочим, бывшим заключенным, которые буквально в штыки встречают новое пополнение, ходят за ним с ножами и терроризируют его»[8]. Большинство старых дальстроевцев — бывшие заключенные. В Магадане в 1950-е годы ходила «загадка»: «Прибыли по комсомольским путевкам, но не комсомольцы. Кто это?» Ответ: «В прошлом лица судимые». Проработавшие на Колыме много лет составляли костяк практиков.

На территории Магаданской области в лагподразделениях УСВИТЛа и ГУЛАГа МВД СССР в 1953 г. содержалось в среднем 106 050 тыс. заключенных[9]. Потому на Колыме всегда остро стояла проблема преступности. Амнистия 1953 г. еще более накалила обстановку. В самом Магадане из года в год наблюдался высокий уровень убийств. Эта тенденция прослеживается по крайней мере до 1956 г.

После образования области начальник Дальстроя И. Л. Митраков заявил, что наряду с выполнением производственного плана в Дальстрое решается вторая не менее важная и сложная задача — содержание преступников и их перевоспитание на основе исправительно-трудовой политики: «Если учесть сейчас основное: повышенное требование Правительства и ЦК партии к вопросам соблюдения советской законности, охраны прав советского гражданина, заключенных, то станет ясным, что мы должны в вопросах содержания лагеря, проведения исправительно-трудовой политики многое пересмотреть»[10].

[8] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1924. Л. 305. Стенограмма совещания при и. о. начальника ДС Груша М. В. по вопросу о состоянии работы с руководящими инженерно-техническими кадрами в геологоразведочном управлении.

[9] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 515. Л. 47–48. Справка о состоянии общественной безопасности в Магаданской области за 1954–1957 гг. от 3 октября 1957 г.

Это был существенно по сравнению с концом 1940-х — началом 1950-х годов, когда заключенные, в большинстве своем бандитствующие элементы, вопреки пожеланиям дальстроевского руководства направлявшиеся на Колыму, представляли собой обузу для руководства. Уже после XX съезда активизировалась работа политических органов лагерей. Отмечалось, что «важнейшим условием, при помощи которого воспитывается любой человек, перековывается любой преступник, — это вовлечение каждого заключенного в общественно-полезный труд»[11]. В то же время около 50 % всех заключенных были нетрудоустроены. Начальник Управления КГБ по Магаданской области Орленко, прибывший в Магадан из центрального аппарата КГБ, говорил: «Мы обязаны с врагами поступать по-вражески, но мы должны помнить указание партии, что нельзя всех валить в одну кучу, кого можно вылечить, нужно лечить, как говорят наши китайские товарищи»[12].

Перемены были и в работе созданного Управления КГБ по Магаданской области, которое в июне 1956 г. проверяла специальная бригада Инспекции КГБ при СМ СССР. Были поставлены вопросы повышения «чекистского мастерства», в этом деле были отмечены «серьезные недостатки»[13]. В январе 1957 г. на закрытом партийном собрании парторганизации Управления КГБ при СМ СССР Магаданской области членами Президиума (Абабков, Ромашков, Запорожец, Орленко, Игнаточкин, Куприенко, Гурвич, Чаплыгин, Суров), начальником 2-го отдела Управления КГБ Лыткиным[14] была отмечена очень низкая оперативно-чекистская подготовка.

[10] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 5207. Л. 52. Стенограмма выступлений участников совещания при начальнике Дальстроя по вопросу результатов проверки состояния лагерей УСВИТЛа комиссией Гулага. Январь 1954 г.

[11] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 100. Л. 52. Стенограмма собрания областного и городского партийного актива Магаданской области от 23 марта 1956 г.

[12] Там же. Д. 131. Л. 45. Стенограмма собрания Магаданского областного актива от 3 ноября 1957 г.

[13] Там же. Д. 515. Л. 41.

[14] Там же. Л. 41–43. Протокол № 1 закрытого партийного собрания парторганизации Управления КГБ при СМ СССР Магаданской области от 16 января 1957 г.

После проверок из Москвы, соответствующих партийных собраний были сделаны выводы, по результатам которых работники 2-го отдела Управления КГБ при СМ СССР по Магаданской области фактически заново подымали и просматривали многие оперативные дела, вносили коррективы в проводимые мероприятия.

Крайне плохо обстояло дело с обеспечением агентурой заключенных, отбывающих срок за совершение контрреволюционных преступлений. Так, на 365 заключенных имелось только 11 агентов. Проверяющие из Тенькинского райкома отмечали, что такое количество не в состоянии обеспечить «даже в некоторой степени разработку заключенных, осужденных по ст. 58 УК, и поэтому содержащиеся в лагпунктах заключенные, в т. ч. в прошлом руководители националистических организаций, террористы, агенты американской, английской и др. разведок, агентурно не разрабатываются»[15]. Из 11 сотрудников оперативной части 7 человек не имели среднего образования. На общее количество заключенных 2200 имелось только 100 агентов.

Качество разработок было существенно ниже по сравнению с дальстроевским периодом. Уровень подготовки оперативных сотрудников оставлял желать лучшего. Так, лаготделение № 6 в Тенькинском районе имело 7 лагпунктов с общим числом заключенных 2200 человек. Из них 954 человека находились на общем режиме, 157 человек — на строгом режиме, 827 человек — на облегченном режиме, 260 человек проживало за зоной.

И в самом Магадане в черте города находились места содержания заключенных, вышки. Кроме того, в центре города было множество объектов, на которых работали заключенные. Это не только стройки, комбинаты, но и различные мастерские, ателье, пункты общепита и т. д. В связи с этим в 1950-е годы остро стоял вопрос перемещения заключенных в черте города. Намечались планы передвижения по городу, проходила разбивка заключенных на группы: были пешие, а кого-то возили на машинах. Все эти маршруты доводились до каждого солдата, которых постоянно проверяли, как они выполняют эти маршруты. Каждый день с самого раннего утра осуществлялись перевозки групп заключенных. Поднимался вопрос о необходимости окончательного вывода заключенных из города.

[15] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 771. Л. 51–52. Справка о результатах проверки работы оперативной части лаготделения № 6 по состоянию на 1 августа 1957 г.

Когда осенью 1955 г. в Магадан приехал заместитель председателя Совета министров РСФСР Д. М. Алехин, он так высказался по этому поводу: «Плохое впечатление производит город. Он замусорен. Город строится, приводится в порядок, но если вы начали строить, то приводите в порядок, стройте аккуратней. Ходишь по городу чуть не ломая ноги. Например, около гостиницы выбрасывается мусор, а затем разносится по всему городу. Вот производится строительство около исполкома, несколько дней никто ничего не делает, а ямы вырыты. Плохое впечатление производит город. В этом случае и милиции нужно принять соответствующие меры по улицам, где находятся индивидуальные дома. А то ведь такое впечатление, как будто кто-то разорил. Нужно хорошо подготовить забор, изгородь, выходящие на фасад. Город имеет плохой вид, на посторонних производит плохое впечатление. Видимо, и лагеря нужно из города уводить. Дело дошло до того, что даже вышки стоят. Вы, конечно, к этому привыкли. Да вот название ресторана "Колыма"! Почему такая необходимость? В народе Колыма получила нарицательное название. Я не хочу порочить Колыму. Но ведь нет надобности. Вопрос лагерей должен решиться. Не в этот год, а на следующий, но лагеря должны из города вывести»[16].

В целом в течение 1950-х годов прослеживается тенденция уменьшения числа заключенных; это была одна из главных задач стоящих перед руководством области. И эта задача — планомерное сокращение числа заключенных — успешно выполнялась. На территории Магаданской области в лагподразделениях УСВИТЛа и ГУЛАГа МВД СССР в 1954 г. содержалось в среднем 74 852 заключенных, в 1955 г. — 53 831, в 1956 г. — 30 934. По состоянию на 1 октября 1957 г. в УИТК Магаданской области содержалось 14 862 заключенных[17].

Под надзором на 1 января 1954 г. состояло 16 275 человек спецпоселенцев, ссыльно-поселенцев и ссыльных. В 1956 г., после XX съезда КПСС, подавляющая часть поднадзорных была снята с учета, и на 1 сентября 1957 г. под надзором спецкомендатур состояло 386 спецпоселенцев и 477 ссыль-

[16] ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 44. Л. 143. Стенограмма совещания первого заместителя председателя Совета министров РСФСР Д. М. Алехина с заведующими отделами и начальниками управлений Магаданского облисполкома 21 сентября 1955 г.

[17] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 515. Л. 47–48. Справка о состоянии общественной безопасности в Магаданской области за 1954–1957 гг. от 3 октября 1957 г.

ных. По состоянию на 1 июля 1958 г. в 21 подразделении Управления исправительно-трудовых колоний УВД Магаданской области отбывали наказания 12 582 заключенных, из них за контрреволюционные преступления — 3,6 %[18].

После событий 1953 г., амнистии и реорганизации Дальстроя, руководители территории столкнулись с жестокими проявлениями хронической болезни Дальстроя — дефицитом кадров. Абсолютное количество специалистов снизилось за 1951–1956 гг. на 37 %[19]. В Дальстрое почти половина инженерно-технических должностей была замещена практиками, не имеющими соответствующего образования.

Начальник Дальстроя И. Л. Митраков признавал, что «прошли те времена, когда Дальстрой мог свободно распоряжаться рабочей силой», что сейчас является самым острейшим вопросом — рабочая сила[20]. Эти слова И. Л. Митракова — весьма откровенное признание всей сложности ситуации. Свободное распоряжение рабочей силой — основа дальстроевской системы. Начальник Дальстроя, начальник управления, начальник прииска были вольны перебрасывать людей, занятых на производстве, — в большинстве заключенных — с одного участка работы на другой. Мобильность рабочей силы, значительные людские резервы — вот что было залогом успеха дальстроевского производства. С новыми работниками приходилось заключать договора, принимать их на определенные должности с установленной заработной платой — и отдавать приказы становилось все сложнее на всех уровнях управления. Теперь весь рисунок дальстроевской жизни менялся.

Это была огромная проблема для руководства Магаданской области. Старались уделять особое внимание работе по закреплению специалистов в Дальстрое. Это носило характер установки. Руководство требовало от всех управлений заменять практиков специалистами, «не допускать не единого случая увольнения специалистов по сокращению штатов»[21].

[18] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Л. 103. Справка о результатах проверки состояния законности в местах лишения свободы Магаданской области от 10 сентября 1958 г.

[19] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 6068. Л. 200.

[20] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 7. Л. 150. Стенограмма II пленума Магаданского обкома КПСС от 20–21 сентября 1954 г.

[21] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 5560. Л. 27. Протокол производственного совещания Управления руководящих кадров Дальстроя Министерства цветной металлургии Союза ССР от 3 августа 1954 г.

Однако руководители управлений, озабоченные выполнением плана, не спешили с заменой практиков неопытными специалистами, прибывшими с материка после институтов. С ними было много хлопот. Текучка, которая всегда была в Дальстрое, принимала катастрофические размеры. Каждое новое пополнение требовало нормальных человеческих условий существования. П. Я. Афанасьев на совещаниях в Дальстрое разводил руками: «Ежедневно приходят пачками в отдел найма и увольнения с жалобами, что не обеспечены работой, плохие жилищные условия и т. д.»[22]. С самого начала было ясно, что план выполнен не будет. Осенью 1954 г. заместитель начальника Дальстроя по кадрам А. И. Франко собирает коллектив Управления руководящих кадров и высказывает им: «Вы заверяли меня, что план будет выполнен. А на поверку оказалось, что план почти по всем вопросам недовыполнен. Взять хотя бы перечень должностей, подлежащих замещению специалистами. Ведь его можно было закончить давно… Эти документы мы мусолили, мусолили, пока не бросили недоделанные. Халатно мы относимся к работе, начальников у нас много, а организовать работу некому. Почему считается, что только Франко может толкать и подгонять в работе, а что же будут делать начальники отделов и отделений?.. План составлял не я. Все мероприятия, которые намечены планом, получены от Вас. Я только сроки поправил. А сейчас говорите, зачем запланировали то или иное мероприятие»[23].

В начале декабря 1954 г. заместитель начальника Дальстроя Ю. В. Чугуев собрал совещание по вопросам вербовки кадров на 1955 г. Было много предложений: большинство, по старой дорожке, предлагало завозить максимальное количество рабочих, звучали предложения о необходимости организации комсомольского призыва на Колыму. Заявка на потребное количество рабочих кадров на 1955 г., по информации Управления руководящих кадров Дальстроя, составила 30 тыс. человек. В итоге, учитывая возможность размещения, решили вербовать не более 6 тысяч, без учета вербовки по оргнабору[24].

[22] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1924. Л. 317. Стенограмма совещания при и.о. начальника ДС Груша М. В. по вопросу о состоянии работы с руководящими инженерно-техническими кадрами в геологоразведочном управлении.

[23] Там же. Д. 5560. Л. 55–56. Протокол производственного совещания Управления руководящих кадров Дальстроя Министерства цветной металлургии Союза ССР от 6 октября 1954 г.

[24] Там же. Л. 57–58. Протокол совещания у и. о. начальника Дальстроя Ю. В. Чугуева от 2 декабря 1954 г.

Обком партии пытался решать проблему. В Центральный комитет КПСС направлялись предложения начальника отделения перспективного планирования планового управления Дальстроя В. Васильева, составленные по просьбе Т. Абабкова и инспектора ЦК КПСС А. Шварева[25]. Отмечалось, что решающим условием дальнейшего развития народного хозяйства Магаданской области является ее заселение постоянным населением. В этих целях предлагалось изучить возможность переселения сельского и промыслового населения из других областей страны, а также подумать о возможности перевода на поселение (с вызовом семей) осужденных по некоторым бытовым или служебным преступлениям с небольшими сроками наказания.

Обком провозглашал главной задачей партийных организаций — обеспечить закрепление работающих и вновь прибывающих в область партийных, советских и хозяйственных кадров. Необходимо было вести решительную борьбу с неправильными настроениями, которые, имеются у ряда работников, то есть теми, кто чувствовал себя на Колыме временщиками и гастролерами, а кадры, которые честно и добросовестно отдавали себя делу, следовало «окружить заботой и вниманием» и оказывать им всяческую помощь в работе.

В итоге использовали отработанные схемы, связанные с осуществлением массового комсомольского призыва. В 1956 г. на предприятия Дальстроя прибыло в порядке пополнения рабочих кадров более 16 тысяч человек, в подавляющем большинстве молодежь, в том числе почти 8 тысяч новоселов приехали из Москвы по призыву партии и правительства. Дальстрой с помощью комсомольских организаций провел работу по подготовке жилого фонда, распределению новых рабочих по производственным объектам и т. д. Но эта работа носила характер временной кампании. Как правило, перед отъездом на Колыму никакой разъяснительной работы не проводилось, потому вдвойне тяжело приезжими переносились условия, в которых они оказывались: ужасная жилищно-бытовая обстановка, низкая заработная плата на многих предприятиях, повсеместные нарушения трудового законодательства. Например, часто, принимая на работу в Москве, писали один оклад — 1200 рублей, а по приезде на Колыму оклад устанавливали ниже[26]. Вообще о реальных условиях жизни на Колыме приезжающие молодые люди мало что

[25] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 685. Л. 16.

[26] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 6068. Л. 208.

знали, тем не менее с большим воодушевлением ехали сюда, «несмотря на всякие нелепые разговоры извне» — так выразилась одна молодая бухгалтерша прииска «Ольчан»[27]. К тому же сказывались мгновенная усталость от работы на Колыме и отсутствие элементарных условий для жизни.

Элементарные условия — это прежде всего вопрос обеспеченности жильем. Большая текучесть кадров в основном связана с обеспеченностью жильем. По Магаданской области на человека приходилось 4–5 кв. метров — это по городу, а по районам — менее 3 кв. метров. Кроме того, подавляющая часть населения проживала в зданиях временного типа — деревянных рубленных домах, каркасно-засыпных бараках, ветхих строениях, подлежащих сносу. В каменных зданиях было размещено лишь 5 % вольнонаемных. В районах жилой фонд также в основном представлял деревянные дома барачного типа без минимальных коммунально-бытовых удобств. Слабо и неравномерно развивалась сеть медицинского обслуживания и детских учреждений.

Обслуживающие отрасли народного хозяйства, в особенности непроизводственные, находились в зачаточном состоянии. Местная промышленность, где в последующем стали преимущественно использовать женский труд, по существу, отсутствовала. Состояние торговой сети и общественного питания было чрезвычайно неудовлетворительным.

Следует также отметить, что на Колыме были доступны далеко не все товары. В 1954 г. торговлю в области вели четыре организации: «Колымснаб» Министерства цветной металлургии, Чукотторг и Ювелирторг Министерства торговли СССР, ОРСы (отделы рабочего снабжения) Главсевморпути и Рыболовпотребторговли. Планы реализации по торговле часто не выполнялись, между тем по данным отчетов получалось, что население обеспечивалось сравнительно удовлетворительно. На пленуме Магаданского горкома в конце 1953 г. отмечалось, что «значительно легче перечислить, какие товары имеются, чем перечислить товары, которых нет в торговой сети годами»[28].

[27] ГАМО. Ф. Р-137. Оп. 16. Д. 21. Совещание с молодыми специалистами в Индигирском горнопромышленном управлении (1956 г.).

[28] ЦХСДМО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 283. Л. 36. Справка «О выполнении постановления ЦК КПСС и Совета Министров «О мерах дальнейшего развития советской торговли» // Протокол заседания XVI пленума горкома КПСС от 28 декабря 1953 г.

Многих товаров просто не было. К примеру, отсутствовал парфюмерный ассортимент. Невозможно было найти в магазинах одеколона, духов, пудры, бритвенных приборов, мебели, детских игрушек. Люди привыкают ко многому. Но дело в том, что даже такие простые вещи, как пуговица, крючок для платья, превратились на Колыме в неразрешимую проблему. Это осложняло быт, повседневную жизнь человека. В городе большинство магазинов находилось в центре и очень мало на окраинах. По многим направлениям на предприятиях области ассортимент был крайне ограничен. Многие товары, как промышленные, так и продуктовые, население области и Магадана никогда не видело в глаза. Из-за отсутствия в торговой сети необходимых товаров широкого потребления и предметов хозяйственного обихода первой необходимости население вынуждено было обращаться к спекулянтам и кустарям, которые систематически торговали на рынках, перепродавая по многократно завышенным ценам товары, приобретенные путем махинаций в государственной торговой сети или изготовленные кустарным способом.

Суровые климатические условия, проблемы с жильем и коммунально-бытовым обустройством, недостаточность медицинских и детских учреждений, продуктов питания — все это психологически влияло на общее состояние населения, определяло настроение тех, кто считал, что отсутствие элементарных условий не компенсируют и относительно высокие заработки.

Одним из преимуществ работников Дальстроя оставались льготы. В 1954 г. руководство Дальстроя приняло новое положение о льготах, согласно которому право работы, кроме работников, принятых на месте или направленных из других местностей, получили реабилитированные и члены их семей. Непрерывный стаж работы на Крайнем Севере исчислялся со дня прибытия работника в район деятельности Дальстроя. При переезде на работу в Дальстрой работнику должны были выплачиваться единовременное пособие, суточные, стоимость проезда и провоз багажа. Работникам, имевшим право на льготы на Крайнем Севере, гарантировалась выплата 10-процентной надбавки к тарифной ставке (окладу) по истечении каждых 6 месяцев работы. Общий размер процентных надбавок не мог превышать 100 % должностного оклада. Важным было и то, что указанные льготы распространялись также на реабилитированных граждан.

* * *

В целом период 1953–1957 гг. характеризуется попытками руководства в условиях кризиса изменить ситуацию путем обновлением рабочих и частично инженерно-технических кадров. Установка на специалистов проходила под влиянием ряда факторов, один из которых — это возрастающая потребность всех отраслей материального производства области в квалифицированных рабочих кадрах при общем подъеме технического уровня производства.

Не праздный вопрос: каким образом удавалось руководству восполнять потерю рабочей силы? Несмотря на снижение статуса Дальстроя, на протяжении 1950-х годов система льгот сохранялась, и именно эта система позволяла хоть как-то существовать. Основным методом решения кадровой проблемы в указанный период явился организованный набор работников, массовый комсомольский призыв на Колыму: иными словами, методы решения данной проблемы по сути не изменились с 1930-х годов. Надежды населения, связанные с образованием области, «оттепелью», не оправдывались, и это явилось причиной напряжения в обществе и возникновения проблем для управленцев недавно созданной области.

Перемены в хозяйственной деятельности и промышленном производстве

Промышленное освоение центральных районов Колымы началось в начале 1930-х годов, а Чукотского национального округа — с 1940 г. Развитие народного хозяйства этого края имеет свои специфические особенности, характерные для дальстроевского периода и унаследованные Магаданской областью.

Хозяйственная деятельность Главного управления строительства Дальнего Севера «Дальстрой», в течение длительного времени осуществлявшего строительство на Северо-Востоке СССР, отличалась чрезвычайно однобоким изучением и освоением природных ресурсов края. В период деятельности Дальстроя здесь возникли значительные народнохозяйственные диспропорции, последствия которых будут еще ощущаться и потребуют больших усилий для их устранения. Эти диспропорции сказались как в сфере материального производства и непроизводственных отраслях, так и в духовной жизни населения.

Главным в деятельности Дальстроя всегда было количество добытого металла. Заместитель начальника Дальстроя М. В. Груша отмечал, что начиная с 1946 г. Дальстрою выделялись крайне ограниченные средства, особенно на капитальное строительство, в результате чего прирост новых мощностей металлодобывающей промышленности почти полностью прекратился, между тем как действующие горные предприятия в большинстве случаев уже дорабатывали свои запасы, при одновременном резком ежегодном снижении содержания металлов в перерабатываемых рудах и песках[29].

Соответственно, добыча золота уменьшалась, планы не выполнялись, и начальник Дальстроя И. Л. Митраков в октябре 1954 г. писал Первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву: «Прошу Вас поручить авторитетной комиссии из работников Госплана СССР и аппарата Совета Министров разобраться с неправильным планированием результатов хозяйственной деятельности Дальстроя со стороны Минфина, приняв меры к установлению на 1955 г. реальных показателей в плане»[30].

Митраков писал Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину 21 апреля 1955 г.: «Вынужден обратиться к Вам лично потому, что ряд принципиальных вопросов, определяющих дальнейшую деятельность и развитие Дальстроя, требующих безотлагательного решения, до сего времени не решены, в результате чего Дальстрой, представляющий собой огромный и сложный комбинат с различными предприятиями, расположенными на площади около трех миллионов квадратных километров, не может нормально работать и экономично организовывать свою деятельность»[31].

Однажды Митракова спросили: «Является ли Дальстрой при выполнении плана рентабельным или убыточным?» Его ответ дает некоторое представление о том, как люди, которые занимали на Колыме ведущие руководящие должности, понимали цели и задачи своей работы.

Митраков ответил так: «Видите ли, Дальстрой при выполнении плана получает государственную дотацию, как и многие отрасли тяжелой промышленности. С этой точки зрения, мы являемся дотацируемым предприятием. Но к

[29] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 120. Л. 4. Стенограмма совещания по вопросам перспективного развития Дальстроя от 10 сентября 1956 г.

[30] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 5210. Л. 26–33.

[31] Там же. Д. 5610. Л. 97.

вопросу о рентабельности нашего управления нужно подходить с общегосударственной точки зрения, потому что мы добываем золото, олово и другие редкие металлы»[32].

Вот! Они подходили с общегосударственной точки зрения! Они здесь осваивают Колыму. Они здесь давали стране металл. Отсюда — психология и соответствующие методы руководства. Начальник политодела А. Н. Никитин рассказывал в 1953 г.: «Как делается?.. Вбивается кол, на этом колу пишется, что здесь будет создан прииск или какое-то предприятие, к этому месту начинает даваться план, потом подтягивается техника, а жилищно-бытовыми условиями трудящихся начинают заниматься в последнюю очередь»[33].

А. Н. Никитин сам с 1930-х годов прошел многие ступеньки дальстроевской жизни и не один десяток таких колов вбил. Не трудно представить и состояние геологов — молодых ребят, только что закончивших институт, курсирующих по Колыме в поисках металла. Часто от их решения зависело, где этот кол вбить. Что думали эти молодые парни, найдя что-то похожее на хороший металл, стоя посреди леса и сопок и зная: один их отчет — и завтра здесь, среди леса и сопок, где они еще недавно ночевали под открытым небом и куда пешком добирались несколько недель, вобьют новый кол, сюда будет дорога, там будет прииск, загудят машины, поселятся люди? Здесь будет кипеть дальстроевская жизнь! Они говорили так: «Вот в этом-то и проявляется диалектика — в одном месте затухает, в другом начинает проявляться»[34]. Они жили тем, что думали так: промышленность глохнет в этом районе, золота что-то маловато становится, надо уходить — и уходили, вбивали новый кол, открывали новый прииск, и все начиналось по кругу.

В Дальстрое в полном смысле не было экономического расчета. Островная изолированность Дальстроя ориентировала на максимально возможное замещение импорта продовольствия, стройматериалов, энергоносителей. Но между тем все это было направлено на достижение конечного результата. Каждое решение в Дальстрое требовало затрат различных факторов производства и в различных количествах,

[32] ЦХСДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2239. Л. 460. Протокол Вседальстроевского собрания партийного актива 27–30 октября 1953 г.

[33] Там же. Д. 2383. Л. 20–21. Стенограмма совещания руководства Дальстроя совместно с представителями горнопромышленных управлений от 12 августа 1953 г.

[34] Там же. Л. 23.

но, какие из них принесли бы наибольшую экономическую выгоду, дальстроевский управленец определить не мог.

Управление в Дальстрое было неразрывно связано с производством. С созданием обкома и облисполкома ситуация кардинально поменялась. В Дальстрое каждый год составлялись планы, заявки и т. п. И он всегда получал финансирование. К этому тоже привыкали. Как-то в 1951 г. на совещании начальству Дальстроя бросили, что правительство дает Дальстрою все, что оно попросит. В. П. Березин на это сказал: «Это не совсем так, товарищи. Нам правительство не может дать все, что мы просим. У нас в Дальстрое аппетиты очень большие»[35].

Когда в 1956 г. на 15 лет планировали развитие Дальстроя, а значит, и развитие территории, на заседании технического совета Министерства цветной металлургии СССР заместитель министра Шемякин отмечал: «В отношении капиталовложений. Цифра в 14 млрд рублей капиталовложений — это цифра такая, которую, хотим мы или не хотим, надо назвать. Мне думается, что если мы назовем цифру 10 млрд рублей, это будет несерьезно. И строительство в Дальстрое дороже, чем в Центральных районах в 2 раза.

Если говорить о развитии Дальстроя, мне кажется, меньшей цифры называть не следует. Надо еще посмотреть, нет ли занижения стоимости объектов по ассигнованиям. Мне кажется, что Техсовет должен высказаться положительно по размеру ассигнований, так как в противном случае о серьезном, технически грамотном освоении Дальстроя не приходится говорить»[36]. На развитие Дальстроя как горнодобывающего главка и через двадцать с лишним лет его существования были необходимы огромные вливания.

Потребности были большие, и тот факт, что Дальстрой реально оставался на особом счету на протяжении 1940-х годов, подтверждают слова С. Н. Круглова в письме начальнику Дальстроя И. Г. Петренко: «...если сравнить снабжение других отраслей промышленности страны, то нужно сказать, что Дальстрой находился в более выгодном положении.

[35] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3612. Л. 46. Стенограмма совещания у начальника Дальстроя совместно с руководителями горнопромышленных управлений, начальниками политотделов и начальниками отделов Главного управления от 7 апреля 1951 г.

[36] Там же. Д. 5860. Л. 92. Стенограмма заседания технического совета МЦМ СССР от 25 июля 1956 г. под председательством В. Н. Костина.

Министерство в ущерб всем другим организациям предоставляло Дальстрою максимально возможные ресурсы»[37].

Социалистическая система учета на производстве оставляла большие возможности для перераспределения денежных средств, особенно в условиях Дальстроя. Проверка правильности составления планов финансирования Дальстроя стала регулярно проводиться уже после создания области. В конце 1954 г. в постановлении коллегии Министерства цветной металлургии под председательством министра П. Ф. Ломако отмечалось, что «в течение ряда лет главный бухгалтер Дальстроя т. Ровняличев представлял нереальные балансы, в которых недостачи, растраты и хищения в бухгалтерском учете отражались неправильно»[38].

Защитить план в Москве было для Дальстроя самым сложным. Этим занимались непосредственно руководители Дальстроя. И. Л. Митраков говорил в 1951 г., что должна быть руководящая роль главного управления, на что В. П. Березин недвусмысленно отвечал: «Да, это правильно, Иван Лукич, но все-таки нужно, чтобы составлялись заявки и чтобы эти заявки защищались... Я на своей собственной "шкуре", как говорится, испытал, что значит защита заявки в Госплане. Там сидит женщина, и разговаривать с тобой не будет. Как-то тов. Никишов пошел в Госплан по поводу защиты заявок, так эта женщина ответила ему: «Тов. генерал, занимайтесь своим делом и не отвлекайте меня от работы»[39].

Какой же вывод из сказанного? Простой: и И. Л. Митракова контролировали, и генерала Никишова отправляли «своим делом заниматься», особо не вникать, поскольку «мы сами все сделаем». В. П. Березин рассказывал: «Мы приходим в Госплан, нас спрашивают, а сколько вы получили в прошлом году металла? Получили 10 тысяч тонн. В этом году вам придется сэкономить. И вот мы ходим там, ходим, чтобы защитить то, что нами заявлено»[40]. В. П. Березин ездил в Госплан с 1940-х годов и позже, в 1950-х годах,

[37] ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3146. Л. 63–69. Письмо С. Круглова начальнику Дальстроя И. Г. Петренко от 19 января 1949 г.

[38] Там же. Д. 5610. Л. 11. Постановление коллегии Министерства цветной металлургии (протокол № 41 от 25 ноября 1954 г.).

[39] Там же. Д. 3612. Л. 45. Стенограмма совещания у начальника Дальстроя совместно с руководителями горнопромышленных управлений, начальниками политотделов и начальниками отделов Главного управления от 7 апреля 1951 г.

[40] Там же.

после образования области, и поднаторел в этом деле. Тем не менее планы снижались, уровень добычи падал, квалифицированной рабочей силы и финансирования требовалось все больше.

Дальстрою не удалось удержать уровень добычи металла. В 1954 г. руководство Дальстроя объясняло это событиями 1953 г. и потерей большого числа квалифицированной рабочей силы[41]. Добыча золота из года в год снижалась: в 1953 г. — 38,9 т, 1954 г. — 36,64 т, 1955 г. — 35,12 т, 1956 г. — 31,6 т, 1957 г. — 32,3 т. Кроме того, за 1953–1957 гг. в два с половиной раза уменьшилась добыча олова[42].

Причин падения золотодобычи было много. По мнению И. Д. Бацаева, причинами кризиса золотодобычи в конце 1940-х — начале 1950-х годов были потеря Дальстроем исключительного статуса в системе МВД СССР и полный крах репрессивно-карательной системы ГУЛАГа[43]. В. Г. Зеляк обращает внимание на тот факт, что объемы переработанной горной массы на золотоносных месторождениях и объемы промывки золотоносных песков не только не уменьшались, но и возрастали до 1955 г. включительно[44]. Таким образом, причиной снижения золотодобычи были многие объективные факторы, в том числе низкий технический уровень золотодобывающей промышленности.

Уменьшение финансирования, масштабный перевод предприятий на вольнонаемные кадры, острая нехватка квалифицированных специалистов, закрытие предприятий — все это в итоге влияло на основные показатели работы Дальстроя. А с образованием области Дальстрою пришлось решать и другие задачи, связанные с развитием местной промышленности, жилищным строительством, и отвлекать на это финансовые потоки.

Основными отраслями народного хозяйства области являлись горнорудная промышленность и оленеводство. Как отмечал в докладе на первой областной партийной конференции (май 1954 г.) первый секретарь обкома Т. И. Абабков,

[41] РГАЭ. Ф. 9022. Д. 286. Л. 1–7.

[42] РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 602. Л. 4.

[43] Бацаев И. Д. Динамика кризиса основного производства Дальстроя (1946–1953) // Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. С. 234–241.

[44] Зеляк В. Г. Пять металлов Дальстроя: История горнодобывающей промышленности Дальстроя Северо-Востока России в 30–50-х гг. XX века. Магадан: Кордис, 2004. С. 19.

промышленность области представлена 584 предприятиями, из них 183 предприятия союзного значения[45].

Протяженность автодорожной трассы со всеми разветвлениями составляла 3152 километра и узкоколейных железных дорог 205 километров. На территории области имелось 65 коллективных хозяйств, из них 43 сельхозартелей, 19 рыболовецких и 3 производственных товарищества. Коллективные хозяйства объединяли 3830 дворов и занимались в основном оленеводством, добычей рыбы, морского и пушного зверя.

На 1 января 1954 г. в колхозах, рыболовецких артелях и производственных товариществах было 444 тысячи оленей, в том числе в личном пользовании 78 тысяч. Что касается посевных площадей колхозов, то они составляли лишь 201 гектар, из них посевных площадей, занятых под картофелем, — только 72 гектара. Особые условия региона, психология населения влияли на развитие индивидуального огородничества. Так, в 1953 г. под огородами было занято 352 гектара, из них под картофелем 183 гектара[46], что более чем в два раза больше посевных площадей колхозов. В области имелось 13 совхозов, из них 2 оленеводческих совхоза Министерства совхозов СССР, 11 совхозов Дальстроя, и свыше 100 подсобных хозяйств и агробаз. Всего совхозы имели 110 тысяч оленей, 9468 голов крупного рогатого скота, 11 216 свиней и 8032 лошади. Посевные площади совхозов составляли 2888 гектаров и использовались под выращивание картофеля, капусты и кормовых культур. В области работало 334 культурно-просветительских учреждения (клубы, библиотеки, избы-читальни) и 346 киноустановок. Выпускалось 18 газет общим тиражом 80 тысяч экземпляров. Общий жилой коммунальный фонд области равнялся 660 тысячам кв. метров, что составляло около трех квадратных метров на человека.

С образованием Магаданской области перед руководством, помимо основной задачи — повышения уровня золотодобычи, был поставлен широкий круг вопросов, касающихся практически всех сфер хозяйственной деятельности. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 17 декабря 1953 г. № 2956 были утверждены 15 комиссий «по разработке мероприятий о хозяйственном и культурном развитии области». Руководство деятельностью комиссий возлагалось на работников аппаратов обкома и облисполко-

[45] ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 3. Л. 8–9. Стенограмма I областной партийной конференции 10–12 мая 1954 г.

[46] Там же. Л. 20.